

*Ирина
Степановская*

*Вслед
за Ремарком*

Ирина Степановская
Вслед за Ремарком

«ЭКСМО»

2013

Степановская И.

Вслед за Ремарком / И. Степановская — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64138-3

Трое мужчин, автомобиль и девушка... Все это уже было в известном романе Ремарка, но жизнь преподносит свои сюрпризы: в обычной московской автошколе встретились три товарища и застенчивая очаровательная женщина. Только она замужем, а три товарища весьма потрепаны жизнью...

ISBN 978-5-699-64138-3

© Степановская И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
1	6
2	10
3	21
4	30
5	34
6	44
7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ирина Степановская

Вслед за Ремарком

От автора

Трое мужчин, автомобиль и девушка... Все это уже было в известном романе Ремарка, но жизнь преподносит свои сюрпризы: в обычной московской автошколе встретились три товарища и застенчивая, очаровательная женщина. Только женщина оказывается замужем, а три товарища весьма потрепаны жизнью. Однако любовь существует во всех странах, на всех континентах и во все времена. Вот только оканчивается она по-разному... И здесь, в Москве, конец этой истории будет совсем другим. Счастливым или несчастливым – каждый должен сам ответить на этот вопрос.

Я же считаю это повествование попыткой отказа от внешне столь привлекательных, заманчиво розовых, «романных» стереотипов в отношениях мужчин и женщин, ибо действительность, хотя и вызывает часто смех и иронию, тем не менее обескураживающе прозаична.

Часть первая

Три товарища

*Небо было желтым, как латунь, и еще не закопчено дымом труб.
За крышами фабрики оно светилось особенно ярко. Вот-вот взойдет
солнце...*

Э. М. Ремарк. «Три товарища»

1

Небо было вовсе не желтым, как латунь, не зеленым и даже не фиолетовым, как цветы горчанки, каким его обычно описывают в романах. Оно не было и банально голубым. Весьма обыденного вида серое московское небо простирало в этот день свои неласковые объятия над огромным городом и, в частности, над одним из его микрорайонов – хоть и не самым окраинным, но все же достаточно удаленным от центра. Район этот был застроен хрущевскими домами и самыми обычными девятиэтажками, разделен неширокими улицами, засажен в основном тополями, в июне немилосердно рассеивающими пух, да кустами сирени. Единственным его украшением был бульвар с песчаной полосой дорожки, с двойной аллеей каштанов, с лиловыми петуниями в гипсовых вазах, с невысокой скульптурой поэта под старой березой в его начале. Каменный поэт выглядел здесь не разухабистым деревенским парнем с гармошкой, в косоворотке и сапогах, каким его привыкли представлять себе миллионы читателей, а только что окончившим близлежащую школу невысоким подростком, спасающимся от хулиганов и поэтому спрятавшимся за деревьями.

Так или иначе, бульвар был не таким уж оживленным местом и благодаря этому прелестным. Народу по нему прогуливалось немного, машины тоже не особенно назойливо шуршали шинами, ибо упирался он в мощную магистраль только одним своим концом, а другим – в извилистую, довольно длинную, слепо оканчивающуюся улицу, в конце которой располагалось здание профтехучилища. Два этажа в его торце арендовала автошкола, а во дворе помещался просторный гараж с ямами и всем необходимым для ремонта автомобилей. Там же была и оборудованная эстакадой площадка – камень преткновения всех новичков, обучающихся вождению. Специальные воротца были выложены сложенными друг на друга шинами от грузовиков. В углу стояла деревянная беседка для курящих, а периметр двора был украшен стационарными стендами с правилами дорожного движения. И в этот сентябрьский, ничем не примечательный день с серым небом в центре этого двора рядом стояли уже отполированные до блеска три учебных автомобиля, цветом напоминающие яичный желток, с треугольничками букв «У» на крышах. Трое находившихся во дворе мужчин доводили до кондиции четвертую машину. Издалека казалось, что мужчины стояли над ней, будто обнявшись в греческом танце сиртаки, но на самом деле они просто склонились над капотом, окончательно проверяя, все ли в порядке.

На некотором отдалении от них в деревянной беседке уже собралась на первое занятие в этом сезоне группа учащихся. Большинство ребят и девушек были одеты в джинсы и черные кожаные куртки и пиджаки. Они смачно курили, выпуская в облака сигаретный дым, смеялись, размахивали руками и о чем-то нетерпеливо переговаривались. Немного в стороне от них стояла женщина довольно высокого роста с каштановыми волнистыми волосами, в сером пальто в талию, с рукавами реглан, с тонкими руками, засунутыми в карманы. Она стояла с задумчивым и даже несколько озабоченным видом, катала по асфальту узкой ступней в чер-

ной туфле маленький камушек, и вид ее как-то не подходил ни к окружающей обстановке заpleванной беседки, ни к самой толпе бесшабашной и крикливой молодежи. Вот женщина, устав стоять, взглянула на маленькие часы на запястье, поежилась, подняла повыше воротник пальто и медленно пошла к воротам автошколы. Серьезным взглядом она обвела двор, желтые машины и мужчин, разговаривающих между собой с важным видом. Она вздохнула, перекинула сумочку на длинном ремне с одного плеча на другое и, не входя во двор, остановилась возле ворот. Стрелки на ее часах показывали, что до начала занятия оставалось еще несколько минут; поэтому женщина набралась терпения и внутренне попыталась смириться с тем, что на учащихся в этом заведении, оказывается, обращают не много внимания.

Старший из мужчин немного смахивал на лысоватого пьяненького медведя, каких в курортных городах усаживают где-нибудь под пальмой на цепочке на потеху публике. Второй – худой, высокий, с длинным носом, в джинсовой куртке со слишком короткими рукавами, носил пеструю бандану, сзади из-под которой выдавался хвост белобрых спутанных волос. Третий же – наиболее из всех пропорционально сложенный, с короткой стрижкой – выглядел самым молодым и был одет в коричневую куртку, фасоном напоминавшую летнюю.

– Конечно, все это хорошо отреставрированная рухлядь, – заметил про машину, над которой они возились, Михалыч, тот самый, что оправдывал своим именем неуклюжую внешность. Он выпрямился и вытер руки ветошью. – Но какой бы рухлядью эта машина ни была, она должна заводиться с первого раза. Если новичок приходит на занятие и не может завести машину – его это ужасно пугает!

– А если новичок испугается, – в тон ему продолжил второй, с волосами, собранными в хвост, – то он тогда сделает что?

– Само собой – ноги! – закончил третий, что был в коричневой куртке. Имя его звучало несколько необычно для здешних мест. Роберт в сознании молоденьких мальчиков и девочек ассоциировался скорее с ясноглазым американцем или с худощавым англичанином, чем с обычным, ничем не примечательным преподавателем заштатной московской автошколы. Однако отчество Иванович отчасти компенсировало необычное имя, и кое-кто из учеников, немного похихикав первое время над таким сочетанием имени и отчества, быстро потом привыкал к нему и обращался к своему преподавателю уже без запинки.

Роберт был брюнет с голубыми глазами, ни толстый, ни худой, не отличающийся бьющей в глаза сногшибательной красотой. Зато с первого взгляда в нем можно было различить человека, умеренно выпивающего и много курящего, но, в общем, мало чем выделяющегося из толпы. Не берусь утверждать наверняка, но, может быть, таких как раз и берут в резиденты иностранных разведок; во всяком случае, все трое не производили впечатления ни восхитительно приятного, ни отталкивающего.

Разговор продолжил Михалыч.

– Дальше новичок бежит к начальству, – сказал он, – а это для нас хуже всего. Там он скандалит, требует выдать назад деньги, уже оприходованные бухгалтерией за учебу, и мчится разыскивать другую автошколу, которая на поверку оказывается ничем не лучше нашей. Мы же терпим убытки, вычеты из зарплаты и выволочку от начальства.

Роберт закрыл капот, сел за руль и привычным движением повернул стартер. Двигатель заурчал, будто сытый кот, и автомобиль очень плавно, без рывка, на небольших оборотах развернулся на месте и стал ровнехонько, точно по линейке, в общий ряд к остальным трем. Человек в бандане, критично наблюдавший за этим процессом, не нашел, к чему придраться, и одобрительно хмыкнул:

– Ты не забыл, что когда-то был гонщиком, мой юный друг!

Роберт вышел из машины, поднял голову и посмотрел прямо над собой в серое небо. Потом оглядел расстилающийся перед ним серый двор, стоящие в ряд машины, маленькую

коричневую собачонку – кобеля с лисьей мордочкой, усевшегося посреди двора и сосредоточенно чесавшего за ухом задней лапой, толпу учащихся в беседке, женщину в сером пальто, стоящую у ворот, и лицо у него сделалось таким, будто его настиг ужасный приступ головной боли.

– Глаза бы мои не глядели на все это! – сказал он с чувством, и товарищи переглянулись.

– Ты о чем? – все так же ухмыляясь, спросил его длинноволосый. – Неужели тебя не радует эстетика пятен охры на сером асфальте этого двора, не говоря уже о нашем с Михалычем присутствии здесь? Или этот дикий зверь, – он указал кривоватым пальцем на дворняжку, продолжавшую остервенело чесаться, – бешеный пес, ранее бродивший по помойкам в поисках пищи, а теперь почтивший нас своим доверием и желанием подбирать недоеденные учащимися бутерброды, разве не вызывает у тебя чувство глубокого единения с природой? Не огорчай же пренебрежением к таким вещам меня, твоего старого фронтового друга и такого же старого философа!

– Да, повода для хандры, мне кажется, нет! – поддержал его добродушный толстяк. – Но если бутылочка хорошего пива все-таки способна избавить тебя от нее, Роберт, то я готов задержаться после работы на полчаса и составить компанию. Но больше чем на час не могу: жена просила меня сегодня прийти пораньше!

– Что принимать за повод! – Во взгляде Роберта ясно читалась меланхолия. – Если спустя десять лет все еще продолжать радоваться, что мы уцелели в афганской войне, то время может быть наполнено этим смыслом вечно. – Голос его теперь стал глух, а взгляд мрачен. – Но старушка-жизнь не любит стоять на месте и не терпит пустоты – старые чувства притупляются, становятся уже не так свежи, как раньше, а новые радости нас, к сожалению, не находят. Посмотрите-ка на себя! – Он по очереди взглянул на каждого из мужчин. – Из некогда знойных юношей мы превратились в обыкновенных дядек, а скоро станем и старыми хрычами. И все равно изо дня в день и из года в год будем заниматься одним и тем же надоевшим и приносящим мало прибыли делом – ремонтировать старые автомобили и учить дураков ездить на них. Да пусть будет проклято это отвратительное занятие, которым мы сейчас занимаемся, особенно если оно кажется кому-то очень романтичным! – страстно закончил он.

– Ну, я, положим, уже не ремонтирую с вами автомобили, – заметил длинноволосый, – и даже, как вы знаете, не интересуюсь последними новостями. А если и присутствую иногда на территории этого мясокомбината по производству будущих жертв автопроисшествий, то только из любви к вам, мои дорогие преподаватели основ автодела!

– Только наше общение и осталось радостью в этой жизни, друзья! – хлопнул обоих по плечам Роберт. – Но на все остальное – глаза бы не глядели?

– А музы? Женщины, другим словом! – удивленно посмотрел на него обладатель банданы. Его примечательный головной убор оттенял бледное веснушчатое лицо с уже густой сеткой морщин вокруг еще довольно ярких, зеленоватых в крапинку, глаз. – В сравнении со мной, стариком, ты, Роберт, – дитя и, если не ошибаюсь, должен быть еще достаточно привлекателен для противоположного пола в твои неполные тридцать семь, малыш! – довольно ехидно добавил он.

– Женщины? Где их взять! Если ты понимаешь под этим словом нечто воздушное, летящее, а не воняющее табаком и матюкающееся на каждом шагу отродье рода человеческого, то лично я в течение нескольких лет не встречал ни одной настоящей женщины... – В голосе Роберта послышалась искренняя горечь.

– Может, ты просто плохо смотрел? – усомнился Михалыч.

– Что ты понимаешь в этом, Михалыч! Ведь ты уже давно и неисправимо женат! – Роберт пожал плечами, а длинноволосый украдкой толкнул Михалыча локтем и ухмыльнулся. – Нет уж, любить – так королеву! – заключил Роберт, не замечая насмешки приятелей.

– Угу, угу! – Михалыч поддакнул ему, словно филин, еле сдерживая улыбку. И вдруг на чьих-то часах раздалась тревожная трель будильника. Друзья переглянулись.

– Пора занятие начинать! – с тоской сказал Роберт, обернулся и внимательно посмотрел на группу собравшихся в беседке учеников. – Провалились бы они все! – от души пожелал он.

– Ну-ну! Не ругайся на источник своего существования! – строго сказал длинноногий философ.

– Да посмотрите сами! Вон они стоят! Глаз остановить не на ком! Или зеленые соплячки, или бабульки-пенсионерки, что собираются возить мужей-инфарктников на дачи! – продолжал возмущаться Роберт.

– А вон та, у ворот, в сером пальто, ничего! Пожалуй, даже очень симпатичная! – заметил Михалыч.

Новички, решив, что на них обратили внимание и занятие, наконец, скоро начнется, робкой стайкой потянулись от беседки к воротам и вошли во двор. В числе последних к ним присоединилась и женщина в сером пальто.

– В учебную комнату идите! – замахал на них руками Роберт. – Идите, идите! Я сейчас приду!

Он вытащил из кармана свернутую в трубку длинную тетрадь – учебный журнал. Пара небрежно выдернутых страниц выпала из него на асфальт.

– Так... Сейчас посмотрим, как фамилия этой дамочки... – Он снова повернулся к друзьям и стал искать в тетради нужную страницу со списком новичков. – Кто тут из них более или менее подходит по возрасту? – Он провел по списку фамилий указательным пальцем. Двое его друзей со скрытыми улыбками наблюдали за этим продвижением. Палец прошелся сверху вниз вдоль страницы два раза. – Ну, вот, может быть, Воронина. Но по возрасту она, оказывается, моя ровесница... – На лице Роберта появилось разочарование.

– И что из того?

– Да ничего! – Роберт сам не понимал, отчего разозлился. – Тоже нашли королеву! Грымзу какую-то! – Роберт захлопнул журнал и приготовился идти. – Ждите меня в учительской! Да не вздумайте смыться! Как-никак первое занятие в сезоне – необходимо отметить! – Он легким шагом двинулся вслед за учениками в мрачный подъезд здания училища, а двое друзей по очереди стали заводить учебные машины в гараж. Когда все было сделано и Михалыч защелкнул на дверях тяжелый замок, на дворе уже стемнело и в небе зажглись первые звезды.

2

«Почему это Кирилл так часто оказывается прав? – думала о муже Нина Воронина, окидывая взглядом унылую учебную комнату со стоящим посередине в виде учебного пособия разобранным двигателем грузового автомобиля. На его частях лежал густой слой пыли. По стенам были развешаны картонные плакаты. Большинство ребят, вошедших вместе с ней, уже заняли места, и ей ничего не оставалось, как пройти к случайно оставшемуся свободным третьему столу у окна. Со странным чувством ностальгии (как давно она, оказывается, не бывала в роли учащейся) Нина опустилась на жесткий стул и достала чистую тетрадь. Преподавателя все еще не было, и мысли ее о муже продолжали вяло перекатываться в сознании. – Например, вчера он весьма уверенно заявил, что, пойдя учиться, я только потеряю время и деньги».

И действительно, начало показалось ей не очень впечатляющим. Более того, ей стало казаться, что Кирилл предвидел реальность, будто как в воду глядел! Может, было бы лучше найти где-нибудь частного водителя? Однако ведь все равно придется куда-то пристраиваться сдавать на права.

Вопрос о правах волновал Нину так же, как и всех остальных учащихся, и она уже хотела повернуться и спросить у кого-нибудь из учеников, что они думают по этому поводу, но тут преподаватель наконец вошел.

Она смотрела на него пристально, изучающе. Так вот кто будет их учить! Пожалуй, не так уж молод и с неприметной внешностью. Невысок, худощав. На лице написаны равнодушие и усталость. Горькие морщинки уже успели залечь у рта. Волосы темно-русые, а глаза хоть и голубые, но неяркие, невыразительные – холодные. И вообще Нине показалось, что преподаватель у них – никакой. Тем временем он, глядя поверх голов куда-то в стену, стал монотонно бубнить, что все должны принести медицинские справки, что с пивом на занятия приходить нельзя, и раз пять возвращался к тому, что без квитанций об оплате на занятия пускать никого не будет.

«Ну и зачем я сюда пришла?» – спросила себя Нина, и в ее памяти возник тот летний день, в который мысль посещать автошколу возникла у нее впервые.

Она давно хотела побывать в Ярославле. Мечта сбылась прошлым летом в самой середине июля, когда по обочинам дорог буйно цвел иван-чай и колокольчики пахли так, что хотелось тут же броситься нагишом в траву, подминая упругие стебли, и бесконечно вдыхать аромат луговых цветов.

Ее муж как раз недавно купил блестящую «БМВ» и собирался обкатать ее в дальней поездке. Кстати обнаружили у него и дела в Ярославле. В гараже сиротливо осталась стоять их прежняя бежевая «пятерка». У Нины отчего-то возникло странное ощущение, что она предала старую, испытанную подругу. «Пятерка» в сравнении с новой машиной казалась ей родной и привычной. Она, конечно, не была такой быстрой и мощной, как престижная и дорогая иномарка, но зато и не шипела желчно шинами на мокром асфальте, догоняя какую-нибудь простушку вроде «Москвича», «Оки» и «Лады». На плохой дороге «пятерочка» дребезжала, как старая консервная банка. На скорости больше ста она натужно гудела, но делала это породственному, как гудят все сделанные еще в советские времена стиральные машины, пылесосы и добротные, вечные, толстые, так милые когда-то сердцу занятых женщин кастрюли-сковородки. Новая же машина мужа представлялась Нине очень дорогой топ-моделью, снимающейся в престижных журналах и поражающей читателей сияющей до неестественности кожей и безмятежным лицом. Старая «пятерочка» напоминала ей толстую тетку из средней полосы России, впрочем, может, и из Ростова или из Воронежа – из казацких краев – с авоськами, с сумками в обеих руках, с завитыми в крутой перманент волосами и вставным золотым перед-

ним зубом. Знакомую всем россиянку, которая в случае чего может и врезать, и послать куда подальше. Но если у кого будет крайняя нужда, эта же тетка вынет из потайного кармашка старой сумки, застегнутого на проржавевшую булавку, последнюю, годами сберегаемую заначку, причем вынет со вздохом тайным, чтобы просящий, боже упаси, его не заметил, и даст денег займы на неопределенный срок.

На «пятерочке» они с мужем проездили восемь лет. Порядочный срок для российской машины. Как она теперь вспоминала, это были лучшие годы их совместной жизни.

Они купили «пятерочку» у знакомых. Фактически она была их первой настоящей машиной. До этого, правда, был еще ушастый «Запорожец», потом латаная-перелатаная «единичка», на которой было страшно выезжать со двора – так часто она выходила из строя, и, наконец, восемь лет назад появилась у них эта почти новая, в хорошем состоянии, бежевая «пятерка» с кожаной обивкой сидений, электронным зажиганием, импортными подголовниками и магнитолой «Panasonic». Радости их тогда не было предела. Потом, после нее, были и еще какие-то промежуточные машины, наши и иностранные, но с «пятерочкой» они так окончательно и не расстались.

Как быстро уходит время! Особенно тогда, когда это время перемен. Революции, хоть и бархатные, быстро уносят жизни. Нина очень хорошо, чуть не по месяцам, помнила время учебы в университете, начало работы, первые годы замужества. А потом, уже в 90-х, годы борьбы за выживание, за место, под солнцем слились в единый конгломерат минут, суток и лет. Десять годков пролетели как один-единственный день. И муж ее теперь был уже не скромным младшим научным сотрудником в одном из НИИ, а крупным менеджером – управляющим российским отделением знаменитой косметической фирмы. И жили они теперь уже не в бывшей родительской двухкомнатной кооперативной квартирке под самой крышей хрущевской пятиэтажки, где веснами на чердаке призывно ворковали голуби и березы роняли темно-красные сережки прямо на балкон, а в отличных апартаментах в элитном доме с запирающимся двором и подъездом, с консьержкой, видеокамерой у входа в подъезд и зимним садом на последнем этаже. Был в этом доме и подземный гараж, в котором ночевала теперь их новенькая, но пока не прикипевшая к Нинину сердцу «БМВ». А состарившаяся «пятерка» стояла в одиночестве в покосившемся сарае в углу двора их прежнего, хрущевского, дома.

Со страхом и удивлением Нина замечала, как за эти годы изменился и в общем-то поумнел, стал более серьезным, представительным ее муж. Она понимала, что новая работа определяет и его новые манеры, и новые требования к жизни. Но почему-то ей больше был дорог тот прежний, чудовищно худой, немного вертлявый, ужасно смешливый молодой парень, за которого она пятнадцать лет назад выходила замуж. В молодые годы он не снимал с себя потертые джинсы и майки с портретами битлов. Теперь он пополнил и носил дорогие костюмы, рубашки и галстуки из тех магазинов, куда она заходила с неприятным чувством похолодания в ногах; про парфюм уж нечего было и говорить – в советские времена такую красоту, какая стояла теперь у него на полках, невозможно было даже представить. Теперь благодаря умеренной полноте, рано появившейся благородной седине на висках, несмотря на постоянно брезгливо-озабоченное выражение лица, муж выглядел очень респектабельно. Женщины головы сворачивали ему вслед. Но вслед за внешностью изменился, к сожалению, и его характер. Причем изменился так незаметно, что предъявлять какие-то претензии к нему было бы бессмысленно и смешно, как, впрочем, и вызывать его на какие-нибудь доверительные беседы, душещипательные разборки. Как-то раз Нина случайно ему рассказала, как ужасно, по ее мнению, поступил с Нининой школьной подругой муж, оставивший ту с двумя дочерьми.

– Кошмар! – сказала она. – Ведь они прожили вместе не меньше, чем мы, лет тринадцать.

– Что ж, бывает и не такое! – равнодушно заметил муж и пожал плечами. – Воспоминаниями и детьми трудно кого-нибудь удержать!

– Ты думаешь? – с сомнением сказала Нина. – Разве у человека есть что-либо более реальное, принадлежащее лично ему и дорогое, чем дети и воспоминания?

– Ну, у нас же, к счастью, нет детей! – ухмыльнулся муж и перевел разговор на другую тему.

Нина опустила глаза. Детей у них действительно не было. Они не родились как-то сами собой, без всяких ухищрений, к каким прибегают другие пары. В начале их брака Нина сильно переживала и даже комплексовала по этому поводу. Но потом, видя, как совершенно легко относится к отсутствию детей ее муж, перестала об этом думать.

– Зачем тебе еще дети, когда самый главный ребенок в нашей семье – это я! – с шутилым пафосом заявлял в начале их брака Кирилл. Да и, честно говоря, зарплата у двух молодых специалистов была такая, что трудно было прокормить самих себя, не только ребенка. Нина любила тишину, порядок, хотя бы относительный комфорт, и смешливый и шумливый поначалу Кирилл действительно заменял ей ребенка. Во всяком случае, ей было не скучно с ним. Потом же, когда увеличилась и жилплощадь, и зарплата, и значительно выросли потребности мужа в комфорте, Нина даже подумывала, что, если бы у нее был еще и ребенок, она, возможно, и не справилась бы с возросшей нагрузкой. И, не делая абсолютно ничего, то есть не проводя никаких медицинских обследований, не лечась и не думая о том, почему она не беременеет, Нина жила как жила, полагая, что во всем есть положительные и отрицательные стороны, и грех ей жаловаться на судьбу, на жизнь. Но все-таки, бывало, периодически возникали моменты, которые не могли ее не тревожить.

Раньше, например, они с мужем всюду старались бывать вместе. Теперь же он редко предлагал ей куда-нибудь пойти или поехать с ним.

– Не могу же я постоянно таскать тебя за собой? – удивлялся он на ее вопросы. Так, например, ни в Париже, ни в Вене Нина не бывала, несмотря на то, что муж с завидной регулярностью ездил туда в командировки. Ездил он и в другие места. Конечно, по России чаще, чем в Западную Европу, но она была бы согласна поехать с ним и по России. Тем более что жизнь у нее теперь, улучшившись качественно, стала складываться как-то рутинно, и она, коренная москвичка, редко выезжала куда-то из столицы. Полагая, что, отдавая мужу всю свою заботу, самое свое существо, она по праву должна была чувствовать себя его постоянной спутницей, его товарищем, самым близким ему человеком, с которым он мог бы поделиться и радостью, и бедой. Но по каким-то незначительным с виду признакам она вдруг снова и снова с удивлением и ужасом обнаруживала, что превратилась для него всего лишь в домоправительницу, экономку и сиделку, которой платят хорошие деньги за услуги по обслуживанию тела господина, но не пускают в ту часть его дома, в которой, как в сейфе, содержатся тщательно оберегаемые главные достояния – любовь и мысли.

Черт его знает, как и когда это произошло? Ведь она старалась, искренне старалась интересоваться его делами, и не только делами в бизнесе, но и тогда, когда он был младшим научным сотрудником, сдавал кандидатский минимум, готовил диссертацию, которую, впрочем, так и не защитил. Она помогала ему осваивать иностранный язык, даже ходила с ним вместе на курсы, заполняла вместо него многочисленные анкеты, радовалась его удачам гораздо больше, чем собственным. Ведь ее собственную работу трудно было бы назвать большим скачком по карьерной лестнице. Скромный преподаватель математики в училище – разве об этом мечтала она, когда поступала в университет? Замуж она вышла на третьем курсе, и постепенно жизнь семьи, а главным образом деятельность мужа совершенно вытеснили ее карьерные устремления, и, обладая от природы спокойным, рассудительным характером, Нина приняла заботы по дому как главное направление своей жизни.

Но вот сейчас он не хотел брать ее с собой даже в Ярославль. Сказал, что поездка будет очень короткая, деловая. Он и в самом деле думал обернуться туда-обратно в один день, но ей так надоело сидеть дома, что она согласна была бы и на деловую поездку, и на все, что

удовно. Только бы вырваться из надоевшей Москвы, побывать среди просторов, среди лесов, вдохнуть аромат колокольчиков, посмотреть старинный русский город, где она до этого никогда не бывала. Она надеялась, что муж потратит долгое время на свои дела, и, чтобы не вести машину ночью, они смогут заночевать в гостинице. Тогда у нее в распоряжении оказался бы еще целый вечер. Прекрасный летний вечер на берегу Волги, ширина которой у Ярославля необъятна настолько, что теплоходы, медленно скользящие по ней вверх и вниз по течению, выглядят будто детские игрушки. Короче, она с радостью согласна была на Ярославль.

В принципе муж не удерживал ее. Довольно часто он говорил, что она вполне могла бы куда-нибудь съездить отдохнуть: в ту же Турцию, например, или на Кипр, или в любое другое место, но она прекрасно сознавала, что без нее он должен будет гораздо больше времени тратить на организацию своего быта, не хотела оставлять его.

«Он привык, что каждое утро на плечиках его ждет свежая рубашка, на пуфике возле кровати лежат носки, а на столе ожидают завтрак и кофе, сваренный так, как он любит... Кто будет это все делать вместо меня?» – думала она. К тому же ей было бы очень скучно ехать одной. Та самая единственная школьная подруга, про которую Нина говорила, что ее оставил муж, ехать не могла, так как была постоянно занята добыванием денег и заботой о дочерях, а больше составить компанию Нине было некому. На работе дружбы у нее ни с кем не составилось, да и была она в своем училище только два раза в неделю на полставки. Мужу же ездить с ней отдыхать было некогда. Он действительно работал как проклятый, весьма неожиданно превратившись из молодого сибарита в рьяного службиста, и находил неподдельное и бесконечное удовлетворение в продвижении по иерархической лестнице фирмы и в самом принципе зарабатывания все больше и больше.

Он не хотел, чтобы она ехала с ним в Ярославль, но она все-таки стала настаивать, и ему, чтобы не перейти от скрытого недовольства к явному, которым так грешили в последнее время их отношения, нехотя пришлось согласиться. Таким образом, они встали рано; в молчании, которое можно было бы объяснить недосыпанием, проехали Переславль-Залесский, Ростов и вскоре достигли Ярославля, где муж довольно быстро завершил свои дела, а она немного успела погулять по набережной, и повернули обратно.

– Через сколько светофоров я должен уйти влево? – спросил он у нее сквозь зубы, то ли подавляя зевок, то ли прожевывая кусок ветчины.

– После третьего перекрестка на четвертом, – ответила она с готовностью, на всякий случай сверяясь с картой. Путь через Ярославль она заблаговременно вычертила красным карандашом и теперь вела по этой линии пальцем, не прерываясь ни на секунду.

– Я спросил тебя, сколько я должен проехать светофоров! – сказал он, отчего-то внутренне раздражаясь.

– Ярославль не Москва, – негромко возразила она. – Светофоры есть далеко не на каждом перекрестке. На нашей карте они вообще не обозначены. Я веду тебя через город самой короткой дорогой, несмотря на то, – добавила она совсем тихо, – что давно хотела посмотреть Ярославский кремль.

– Ну вот, начинается! Мы же договаривались, что едем не в туристическую поездку! – еще более раздражаясь, громко начал говорить он. – Я тороплюсь в Москву. Я предлагал тебе остаться дома и не разводить здесь сопли по поводу местных красот!

Она не стала ничего отвечать. Он резко свернул на обочину.

– Дай сюда карту!

Она попыталась объяснить ему маршрут, по которому они едут, отчеркивая ногтем выбранный ею заранее путь сквозь паутину улиц, но он нарочно пренебрежительно отстранился от нее и долго разглядывал карту, насвистывая простенький до обалдения мотивчик себе под нос и не говоря ни слова. Она решила держаться спокойно и стала смотреть в окно.

Они остановились на какой-то улочке с двухэтажными домиками, усаженной тополями. Было жарко. Ей захотелось выйти, размяться, поесть мороженого.

– Я пойду куплю эскимо. Ты будешь? – спросила она.

– Я не намерен ждать. У меня работа в отличие от некоторых, – ответил он.

«Будто бы я не работаю, – подумала она с горечью. – Подай, принеси, пошла вон... уборщиц на производстве ценят гораздо выше. Зачем я поехала в этот Ярославль? Лучше бы не ездила. Теперь на всю жизнь испортила себе впечатление».

Ей стало очень горько. Главное, она не понимала: ну почему он стал таким вредным?

Он тронул машину с места. Она взяла себя в руки и опять стала следить за дорогой по карте. После очередного поворота ей показалось, что он свернул не туда.

– Нам надо налево!

– Не видишь, вон указатель главной дороги?

– Но это для грузового транзитного транспорта! Наверное, специально сделали объезд, чтобы грузовики не портили центр. А мы, на легковой, можем как раз через центр и проехать. Будет и красивее, и ближе!

– Зато ненадежно. Ни я дороги не знаю, ни ты. Вон впереди грузовик с московским номером. Наверняка едет в Москву. Надо держаться за ним. Он выведет на дорогу.

У нее возникли сомнения на этот счет, но она промолчала. Вскоре сомнения оправдались. Заляпанный месячной грязью грузовик с московским номером свернул во двор ярославской автобазы. Они как раз успели притормозить, когда за ним с грохотом закрылись зеленые металлические ворота. Тут она не выдержала и громко расхохоталась. Муж просто зашелся от злости.

– Ну и где мы теперь? – закусив губу, спросил он.

– Откуда я знаю? Ты же сам выбрал проводника с московским номером!

Он презрительно скривился:

– Хороший из тебя штурман! Не можешь сориентироваться по месту!

Она обиделась:

– Я в Ярославле первый раз в жизни, как и ты!

– Вот и надо было дома сидеть! – Он почти выхватил у нее из рук злополучную карту и, с раздражением бормоча под нос, стал прокладывать новый маршрут.

– Давай вернемся в центр! Раз уж приехали, давай посмотрим! Такую красоту, может, больше никогда не доведется увидеть! Люди специально ездят смотреть города Золотого кольца на экскурсии, а нам довелось побывать здесь, а мы не воспользовались этим, ничего не посмотрели! – Она сделала последнюю попытку.

– Да вот же, до окружной дороги два шага! – торжествующе ткнул он пальцем в карту. – Она выведет нас на московскую автостраду.

Ей пришлось спешно искать в сумке солнцезащитные очки, чтобы скрыть выступившие слезы обиды. Когда через полчаса, уже выехав из Ярославля на дорогу М8, муж, не спрашивая ее, остановился у какой-то придорожной речушки, потому что ему очень захотелось искупаться, ему и в голову не пришло, что тем самым он задерживается в пути. Он разделся, скрылся в кустах, и через минуту из воды послышались плеск и довольное фырканье. Она же осталась ждать его, сидя боком в машине с открытыми дверцами, свесив голые ноги в траву, и думала, почему она считает своим долгом все это терпеть? Почему никогда не взорвется, не хлопнет дверью, не заорет, наконец? Почему продолжает жить с человеком, который не признает ее интересов, пренебрегает желаниями, высмеивает и даже, кажется, презирает ее?

И она ответила на этот вопрос: потому что в теперешнем грубом и злом начальнике крупной фирмы она все еще продолжает видеть озорного и доброго парня в футболке с изображениями битлов на спине, вместе с которым они когда-то делили поровну по тарелке супа из пакетика и по куску серого хлеба с тоненьким слоем бутербродного масла. Потому что с

этим парнем она когда-то была счастлива, верила в него, верила, что он добьется успеха, и продолжала верить и теперь; она думала, что счастье еще может вернуться! Просто он должен однажды остановиться в своем беге вдогонку за карьерой, посмотреть на нее и сказать: «Как же так получается, Нина?! Что же мы делаем с нашей жизнью?»

И тогда она, не упрекнув ни полсловом, молча привлекла бы его к себе и тихо по-матерински сказала бы: «Ничего, мой дорогой, ничего! Жизнь впереди еще длинная! Все еще можно исправить! И все еще будет хорошо! Ты только будь добрее ко мне, будь сердечнее! И все наладится, вот увидишь! Я обещаю!»

Настырная муха, по-осеннему сонно жужжа, стучала в окно, и непрекращающийся шум работы ее крыльев отвлек Нину. С тревогой посмотрела она на преподавателя и огляделась вокруг: не пропустила ли она чего-нибудь важного? Но в классе оказалось все то же: монотонным голосом преподаватель продолжал бубнить себе под нос, что все, у кого слабое зрение, должны сразу привыкать пользоваться в машине очками и принести соответствующие справки от врача; перечислял, какие учебные пособия учащиеся должны купить, и Нина, у которой все необходимое было уже приготовлено заранее, поняла, что она ничего не пропустила и не потеряла, пустившись в воспоминания.

Сухой, без интонаций его голос нагонял на учеников сон, и, обернувшись, она заметила, что кое-кто уже клюет носом. Ей тоже неумолимо захотелось спать, и поэтому, когда еще минут через десять такого же нудного времяпрепровождения преподаватель объявил наконец перерыв, все оживились, а Нина, наоборот, зевнула и, дождавшись, когда он, захлопнув свой журнал, вышел из комнаты, положила на стол обе руки, опустила на них голову и закрыла глаза.

Друзья, как и договаривались, ожидали Роберта в учительской. Так называлась у них небольшая комнатенка рядом с учебным классом. Там преподаватели курили, заполняли журналы, рассказывали анекдоты. Кроме Роберта, преподавателей в школе еще было четверо. Михалыч числился среди них старшим мастером. А их длинноволосый товарищ приходил сюда просто так, за компанию, когда в работе на грядках и в саду у него случался небольшой перерыв. Он тоже досконально знал машины, и докопаться до сути поломки, что-то развинтить, заменить и снова завинтить и тем самым помочь друзьям доставляло ему удовольствие. Эту точку зрения не разделяли молодые преподаватели – парни, пришедшие работать в школу недавно. Они, как подозревали и Роберт, и Михалыч, просто временно не могли найти себе более хлебного места. И поэтому подвизались пока в здешних краях.

– На фига мы будем горбатиться с этим ремонтом? – говорили эти ребята. – Ездим кое-как, да и ладно! Даже если ученикам дать совершенно новые машины, все равно они их сломают на третий же день!

Проблема заключалась не только в том, что ученики не берегли машины – кто по природному разгильдяйству, а кто просто по неумению ездить, но их не берегли и сами молодые преподаватели и, как не раз замечали Михалыч и Роберт, еще и разворовывали запчасти. Сколько раз оказывалось, что, когда необходимо было произвести срочный ремонт, нужных деталей не оказывалось на месте, хотя Роберт отлично знал, сколько и чего закупила школа.

– Выгнать бы их! – говорил часто Роберт.

– А работать кто будет? – возражал Михалыч. – Посмотри, сколько сейчас желающих освоить вождение. Ты учти, этот бум скоро схлынет, а потом неизвестно, кого ты дождешься! А мы ведь на самоокупаемости, не забывай!

– Черт бы побрал эту самоокупаемость. – Роберт нервно мял в руках сигарету. – Из-за нее количество учебных часов сокращается, в группы мы пытаемся заманить любых идиотов, которых в старые времена и на пушечный выстрел к машине было нельзя подпускать. Бухгалтерия закрывает глаза и на наркоманов, и на алкоголиков, и на явных психопатов. Прини-

маем липовые справки, выдаем липовые дипломы... А итог – нормальному человеку на улицу выехать скоро будет нельзя. Те, кто умеет и, главное, хочет правильно ездить, относятся уже, как мы с тобой, к вымершему племени динозавров.

Роберт недоброжелательно посмотрел через не прикрытую полностью дверь на тех, кто вышел в коридор покурить. В основном это была зеленая молодежь, едва перешагнувшая семнадцатилетний рубеж.

«Правильно, – усмехнулся Роберт, – права на управление автомобилем будут получать сразу, как только исполнится восемнадцать, вместе с правами голосовать на выборах и жениться. Все, кто постарше, уже освоили это дело. Рассекают теперь по просторам. Ежедневно, ежечасно рискуют жизнями. Своими-то ладно бы, так ведь чужими! Лихачество теперь не просто дань моде – стиль жизни. И эти, сейчас стоящие здесь, будут точно такими же. Вон они смотрят по сторонам. Разноголосые, шумные, наигранно веселые, не желающие учиться и слушать, явившиеся с единственной целью – даешь права! Большинство из них уже ездили немножко с кем-то, когда-то, и теперь они думают, что отлично все знают и умеют. Попробуй таких научи! Хорошо, если в группе попадется один или два человека, которые действительно хотят научиться правильно ездить! Но видно, опять неурожай на способных учеников. И как назло ни одной красивой женщины в группе! Да еще эта, в сером пальто, все занятие буравила его взглядом исподлобья. И что ты мог найти в ней, Михалыч?»

– Очнись! – сказали ему друзья, протягивая стакан. – Тебе надо взбодриться! Первое занятие в группе – не шутка! Как начнешь – так пойдет и дальше!

Роберт взглянул, что ему предлагают. В учительскую заранее была принесена хорошо известная им всем потрепанная спортивная сумка. В ее расстегнутом чреве виднелись стоящие аккуратными рядами бутылки с пивом. Михалыч извлек одну, а остальные ответили ему приятным постукиванием.

– Холодненькое! – Длинноволосый обладатель банданы легко скovyрнул складным ножом пробку, и пенистое пиво полилось в пластмассовые стаканы.

– И кое-кто здесь утверждает, что жизнь нехороша! – со вкусом сделал глоток добродушный Михалыч.

Роберт влил в себя свою порцию залпом.

– Пора идти! Поговорим по душам после занятия, а пока содержимое этой сумки в вашем распоряжении.

И он, с сожалением оставив друзей, вразвалочку пошел в учебную комнату. Следом за ним потянулись из коридора ученики.

Первой, кто бросился ему в глаза в классе, была навалившаяся на стол курсантка Воронина. Ее серое пальто, небрежно повешенное на спинку стула, свисало и даже частично касалось краями грязного пола, а сама она, услышав шум сдвигаемых другими учениками стульев, подняла к доске сонное, недовольное, бледное лицо.

«Да уж, Женщина с большой буквы! Нечего сказать!» – подумал Роберт, уселся на свое место и стал смотреть в другую сторону.

А Нина все не могла прийти в себя – таким контрастным оказалось то, о чем она мечтала, готовясь прийти сюда, и то, что увидела на самом деле.

«Стоило спорить с Кириллом и портить себе нервы вот из-за этого!» – подумала она с горечью про свое первое занятие здесь.

И в голове ее опять закрутились картины недавнего прошлого.

Их машина в ту обратную поездку из Ярославля остановилась на берегу то ли речки, то ли большой канавы. Над клевером жужжали пчелы. Солнце немилосердно жарило кожу. Нина встала рядом с машиной. Хотелось походить босиком по траве, но какая-то странная апатия сковала ее члены. Муж все еще громко плескался и фыркал. По тропинке мимо нее прошле-

пали деревенские ребята в мокрых после купания трусах, в огромных кроссовках на босу ногу. Они возбужденно переговаривались друг с другом, размахивали руками. Один, шагая задом наперед, чтобы быть лицом ко всей компании разом, запнулся о корень и чуть не полетел Нине под ноги. На их уже хорошо загоревших, несмотря на начало лета, лицах играл веселый отсвет молодости. Двое тащили в огромной сетке что-то тяжелое. Нина услышала, что их громкий спор как раз касался того, какую часть этого тяжелого можно продать, а какую съесть самим. Сначала она не могла понять, о чем они говорят. Она присмотрелась внимательнее. В сетке между двух пар движущихся исцарапанных мальчишечьих ног медленно шевелилась какая-то мокрая темно-зеленая масса. Нина отпрянула, охваченная внезапным брезгливым ужасом, и вдруг поняла. В сетке была добыча. Это были раки, только что выловленные из воды и, очевидно, следовавшие к закопченной кастрюле на прибрежный костер. Нина вспомнила, что, когда они на машине сворачивали с дороги, у обочины сидела другая группа ребят и продавала уже сваренных раков, разложенных кучками на старой газете прямо на траве.

Нина посмотрела мальчишкам вслед и опустила на сиденье.

– Ничего не изменишь, – сказала она. – Попались в сетку – и судьба решена. Такова жизнь. Не хочешь быть сваренным – не попадайся! – Она протерла очки и зафиксировала в сознании, что шум и плеск со стороны реки прекратились. Значит, муж скоро выйдет к машине. Она попыталась переключиться мыслями на что-нибудь другое, но в душе от встречи с мальчишками остался неприятный осадок. Как-то сама собой всплыла дурацкая мысль, что по гороскопу она тоже Рак. Представитель самого скромного из зодиакальных созвездий.

«Все-таки не очень-то справедливо, что звезды в моем созвездии очень уж маленькие! – как-то по-детски подумала она. – Всего-то четвертой величины!»

Муж наконец появился из кустов, посвежевший, раскрасневшийся. Он, видимо, тоже заметил юных торговцев раками.

– А я бы поел раков! – с вожделенным причмокиванием произнес он. – Жаль, пиво нельзя за рулем, но от одной бутылочки, я думаю, ничего не будет!

– Ты ведь очень торопишься! – не смогла удержаться от сарказма Нина.

– Невозможно ехать, такая жара! Зря ты не искупалась! – Он натягивал брюки на мокрые ноги.

– Я не взяла купальник. И потом, здесь берег такой глинистый! Очень скользкий! Неудобно спускаться к воде.

– Извините, песочка не подвезли! – сказал он и отправился к мальчишкам за раками. Вернувшись, он сел на траву и, нагнувшись над клочком газеты, с хрустом отломил оранжевую клешню. Нине почему-то стало так противно, так больно, будто это ей он вывернул руку. Хитиновая оболочка под его пальцами разламывалась на части, на газету капал прозрачный, слегка зеленоватый сок, Кирилл с шумом высасывал его из рачьих клешней и облизывался. Ей показалось, что ее сейчас вырвет. Она торопливо отошла от машины и пошла через луг по тропинке. Ветер, утешая, обдувал ее лицо ласковыми прикосновениями, и через какое-то время ей стало легче. Неожиданно резко, сзади, загудел сигнал их машины; это муж призывал ее вернуться на свое место. Она, вздохнув, отерла руками глаза, повернула назад. С довольным видом он уже сидел на своем месте и крутил ручку приемника. Его склоненная, такая знакомая голова показалась ей чужой, а макушка какой-то по-птичьему мелкой и, как это ни странно, острой. Молча она открыла дверцу и села рядом.

«Надо успокоиться, – подумала она. – А то действительно нервы слишком уж расходились! Ну не пришлось погулять по Ярославлю, так что же теперь, из-за этого удушиться?» Нина тут же вспомнила вечную присказку своей единственной подруги, той самой, от которой ушел муж. Подруга упоминала ее постоянно к месту и не к месту. В этой присказке выражалась одновременно и вся боль подруги, и вся ее жизненная мудрость: «А на одну зарплату не хочешь с двумя девчонками пожить?»

Нина улыбнулась: так ясно увидела она милое широкое женское лицо, знакомое с детства, в окружении двух таких же широких и добрых девчачьих физиономий. Подруга обожала своих дочерей и жила главным образом для них, имея и меня после ухода мужа любовников; но имея не для того, чтобы потешить свои инстинкты, а в надежде создать новую семью для девочек, в которой присутствовал бы мужчина – добытчик, советчик и друг.

Пульсатилла было прозвище Нининой подруги еще со школьных времен. Как-то на уроке в учебнике ботаники нашли они с Ниной изображение цветка, лугового анемона. На толстеньком коричневом стебле плотно держались нежные лилово-голубые цветки, похожие на колокольчики. Под рисунком по-латински было написано – *Pulsatilla pratensis*.

– Так это же про меня! – тут же сказала Нинина подруга. – Стебель-то толстый, а цветок, если приглядеться внимательнее, ну просто как я – нежный и пушистый!

Мальчишки в классе все как один тогда заржали, а прозвище прикрепились к подруге навсегда. Действительно, она была похожа на этот цветок – коренастая, с плотной фигурой, но имела нимб вокруг головы из легких светлых волос и небесно-голубого цвета глаза.

Кирилл выкинул газету с оранжевой скорлупой.

– Садись! – Он впервые за целый день внимательно взглянул на нее. – Вечно ты какая-то кислая! С глубокой думой на челе! – заметил он ей.

– Чему же мне так уж радоваться? – спросила она, садясь и закрывая дверцу и тоже глядя ему прямо в глаза. – Тому, что в последнее время ты делаешь только то, что ты сам хочешь, нисколько не считаясь с моими желаниями, и я вечно остаюсь за бортом? – Она старалась говорить тихим голосом, взывая, пожалуй, больше не к его сознанию, а к его душе, но он, упрямо набычившись, сердито ответил ей то, что она и так знала:

– Я и не звал тебя с собой!

И она окончательно поняла, что диалог не состоится. Она вытянула из сумочки темно-синий шелковый шарф и укутала им голову на восточный манер. Ей нравилось так носить шарфы. Внешность у Нины была полной противоположностью Пульсатилле: она была хрупкой, довольно высокого роста шатенкой, с темными серыми глазами и нежным, не очень четко очерченным ртом. Сама Нина считала свою внешность довольно ординарной, но Кирилл когда-то, в их лучшие времена, находил очень привлекательными и ее внешнюю хрупкость, и вытянутые пропорции тела, и шелковистые каштановые волосы, и тонкие выразительные руки. Теперь же его раздраженный голос настойчиво, будто град, колотил ей в барабанные перепонки.

– Ты думаешь, что все в жизни достается даром, просто так, падает с неба! Легко, играючи, за твои красивые глаза тебе кто-то скидывает оттуда материальные блага? – Муж въехал в довольно большое углубление в почве и теперь сосредоточенно выползал из него. В минуты напряжения лицо его становилось еще более сердитым и замкнутым, и хотя его новая машина без всякого труда справилась с препятствием, раздражение у него не прошло далее от этого.

– Вовсе я не думаю, что все достается легко! – Она не стала с ним спорить, не желая развивать дискуссию на дороге. Скоро они должны были выехать на шоссе, и чтобы вдохнуть напоследок ароматы нагретой солнцем травы, она нажала кнопку на дверце, и стекло окна легко поползло вниз. Задира-ветер тут же схватил и вытащил в окно концы ее синего шарфа, играя с ними.

– Зачем ты носишь свой дурацкий шарф в такую жару? – сказал Кирилл. – Сидишь в нем, как старая карга!

Она замерла, будто ее внезапно ударили. Ведь он прекрасно знал, что она не переносила кондиционер. Какая бы температура ни была на улице, при включенном кондиционере она простужалась мгновенно. Конечно, с кондиционером было не так шумно, как с открытым окном, но зато все привычные звуки дороги оставались неразличимыми, и это давало ощущение нереальности происходящего, будто это не она сама мчалась по жизни, а смотрела какой-то надоевший фильм. И уже не чувствовалось тогда ни запаха разогретого асфальта, ни бензина,

ни песка, ни нагретой солнцем травы, которую сминали колеса и которая расправлялась потом при освобождении с достойными восхищения упорством и скоростью. И поэтому ей гораздо больше нравилось ехать с открытым окном, выставив наружу краешек локтя, и чувствовать, как сзади надувается романтическим ожиданием странствий ее синий шарф. Когда-то в старой «пятерочке» они ездили именно так. И мужа тогда ничего не раздражало.

– Останови машину, – сказала она. Она внезапно решила выйти и дальше идти пешком. Все равно куда и как далеко. Он с визгом остановился. Она вышла. И так же быстро вспомнила, что далеко пешком уйти она не сможет, да и денег у нее с собой совсем нет. На то, что он будет уговаривать ее оставить свой демарш и сесть назад в машину, она и не надеялась. Так же как и не хотела ничего просить. С какой-то небывалой мудростью, моментально сделав вид, что ее укачало, она пересела на заднее сиденье и там легла, поджав под себя ноги, уткнув голову в маленькую подушку и прикусив зубами запястье, чтобы он не услышал, как она плачет.

Муж был занят дорогой и не обращал на нее никакого внимания. Она поплакала, привыкшая сама с собой делить свои горести, потом ее дыхание восстановилось, и в памяти снова всплыла подруга Пульсатилла. Насколько трудно, оказывается, что-либо кому-либо объяснить, даже близким людям! Каждый судит о жизни только со своей колокольни.

– Ты все время какая-то мрачная! – говорила Нине и Пульсатилла во время их редких в последнее время встреч. – Будто все время чем-нибудь недовольна... а вот попробовала бы ты повертеться, как я. Одной без мужика двух девчонок тянуть – не больно весело!

Нина сочувствовала Пульсатилле, но была с ней не согласна в оценках.

– Почему ты думаешь, что я недовольна? – Нина редко кому рассказывала подробности своей жизни.

– Потому что у тебя глаза тусклые, как у снулой рыбы! – объясняла ей Пульсатилла. – А должны бы гореть при такой жизни, как у тебя, как два алмаза!

– Да я не виновата! – оправдывалась Нина. – Глаза у меня как глаза, я с такими родилась. И на жизнь я вовсе не жалуясь, просто живу в реальном режиме времени, не витаю в облаках, все время занимаюсь какими-то домашними проблемами, которые возникают, несмотря на наличие денег. Жизнь ставит вопросы нового качества, которые приходится решать... С чего бы тут порхать?

– Вот когда узнаешь, во что обходятся одни колготки для трех баб, и сравнишь с проблемами, которые приходится решать тебе, – вот тогда сама собой запорхаешь! – отвечала ей на это Пульсатилла.

Подружка вовсе не была злой. Просто однажды она оказалась совершенно не готова к тому, что жизнь так больно тукнет ее по башке.

– Думаешь, я не знаю, – в минуты откровенности говорила она Нине, – что многие женщины сознательно рожают себе детей без всяких официальных мужей и потом воспитывают их в одиночку и считают, что очень счастливы. Но я-то к этому была не готова! Я-то всю жизнь считала, что у меня прекрасная, полноценная семья, что я за мужем как за каменной стеной! А он вдруг взял да и устроил землетрясение, стену каменную разрушил, вверх меня и девчонок в нищету и ушел к любовнице! Козел, одним словом!

Нина вздыхала. Бывший муж практически не давал Пульсатилле денег, и ей действительно материально приходилось очень туго. Настолько туго, что на первое место по значимости в жизни Пульсатилла теперь совершенно неожиданным для себя образом ставила не любовь, и не доброту, и даже не мир во всем мире, а наличие или отсутствие в кошельке денег. И со всей серьезностью говорила, что за приличную зарплату, которую ей кто-нибудь бы ежемесячно отдавал, она была бы согласна терпеть не только старого, толстого и некрасивого мужа, но даже вообще какого-нибудь морального уроды.

В такие минуты Нина, дружески сочувствуя, обнимала Пульсатиллу. Но, та если уж начинала плакать в жилетку, то плакала до конца. Остановить ее было трудно.

– Подумай только! – говорила она, осыпая Нинино плечо своими воздушными кудрями. – Так поступать могут только мужчины! Любовницу он, видите ли, завел! Жить без нее не может! Так если ты не можешь жить без нее, обеспечь тогда свой уход из семьи! Сделай так, чтобы бывшая жена и дети ни в чем не нуждались! А не можешь обеспечить – тяни лямку, как другие! В конце концов, это ведь и его дети, не только мои! А он, представляешь, мне что сказал: «Я, наоборот, не хочу ни в чем вам мешать! Не хочу быть со своими проблемами вам в тягость!» А я как должна справляться с нашими проблемами, его не касается! Ну не козел ли он?! – возмущалась Пульсатилла.

– Козел, козел! – соглашалась с ней Нина и гладила подругу по спине. – Да ведь все равно надо жить дальше! – говорила она. – Вспомни все-таки и то положительное, что было... Наконец, то, что он ушел, но оставил вам квартиру!

– Да я бы его просто убила, если бы он еще и квартиру забрал! – вскидывала на Нину полные возмущения глаза Пульсатилла. – А потом я уверена, что он оставил нам квартиру просто потому, что у его любовницы есть где жить. В противном случае еще неизвестно, как бы все обошлось!

– Значит, повезло хотя бы в том, что у его любовницы есть жилплощадь! – замечала ей Нина. – Ты не трави себя зря! Вспоминай только хорошее! – советовала она. – И самое главное – у тебя остались девчонки!

Пульсатилла потихоньку оттаивала, вспоминая своих дочерей.

– Неужели ты все еще сердишься на него?

– Чего на него сердиться? – горестно фыркала Пульсатилла. – Его жалеть надо, что он меня, – тут она горделиво выпячивала округлую налитую грудь, – меня да двух прелестных девчонок променял на какую-то жадную бабу, которая отнимает у него все деньги раньше, чем он донесет их до дома! Не оставляет ему ни копейки даже на карманные мелочи! – Пульсатилла теперь все сводила на деньги.

Нина вздыхала и не могла понять, почему, если муж в новой семье живет так плохо, что достоин жалости, он не вернется назад в крепкие, всепрощающие Пульсатиллины объятия.

– Так она же присосалась к нему, будто пиявка! – с возмущением поясняла ситуацию Пульсатилла. – Это же я его отпустила! Другие-то вовсе не такие добренькие!

Нина, казалось, верила ей и, осуждая «стерву», вздыхала вместе с подругой. На этой завершающей ноте они обычно выпивали по рюмочке, а то и по две чего-нибудь крепкого, но дамского, например, ликера «Мокко», любимого ими еще с давних времен, и Нина возвращалась в свою шикарную квартиру в новом районе, а Пульсатилла бежала к своим девчонкам на первый этаж хрущевки проверять уроки.

Вот тогда-то и пришла Нине в голову мысль, что неплохо было бы поехать с Пульсатиллой и ее девочками путешествовать на старой «пятерке» – машина ведь все равно пылится без дела в захламенном гараже. Нина представила, как спокойно, не торопясь, они поехали бы своей компанией в Ярославль, где захотели бы – останавливались по дороге, со вкусом бы завтракали. Осматривали достопримечательности, ни перед кем не оправдывались бы в своих желаниях, не извинялись бы, ни к кому бы не приноравливались! И не надо было бы им никаких мужиков!

Загвоздка была только в малом – ни Пульсатилла, ни сама Нина не умели водить машину. И из-за этого неумения прекрасный ее план рушился в самом начале. Но все-таки незаметно для Нины это не осуществимое пока желание и та самая неудавшаяся поездка в Ярославль с Кириллом вызвали в ней глубокие внутренние изменения. И поэтому буквально на следующий же день после приезда домой в газете рекламных объявлений Нина нашла адрес первой попавшейся на глаза автошколы, позвонила и оставила секретарю свой телефон. Звонок с приглашением на первое занятие последовал через полтора месяца, к первому сентября.

3

Вторая часть занятия продолжалась. Жужжащая муха и та утомилась от бесплодных попыток прорваться на улицу и теперь медленно ползала вверх и вниз по стеклу. Преподаватель прежним нудным голосом объяснял, что шумахеров из учащихся он делать не собирается, и механически перечислял тот необходимый минимум упражнений, которые обязан был выполнить каждый ученик, чтобы сдать на права. Нина надеялась, что после такой затяжной вводной части им все-таки наконец покажут устройство автомобиля или они начнут изучать двигатель или еще что-нибудь в этом роде, но ничего этого вовсе не предполагалось. Дальше преподаватель устроил скучную переключку и стал заполнять журнал различными сведениями – не только адресами, но и местами работы и учебы учеников, и процесс этот грозил затянуться еще на час. Причем самого преподавателя такое бездарное времяпрепровождение, видимо, совершенно не смущало, и даже было совершенно ясно, что делает он это для администрации и для проформы, а самого его сведения об учениках не интересуют ни в малейшей степени. В Нине стало закипать раздражение.

«Научиться хорошо водить машину, в конечном счете, может быть, даже гораздо важнее, чем изучить досконально какие-нибудь суффиксы, пестики-тычинки или химические формулы, – думала она. – Кого, в конце концов, кроме специалистов, интересуют бензольные кольца или химический состав атмосферы? А по дорогам мы ходим и ездим каждый день! От того, как человек ведет себя за рулем, часто зависит жизнь, так почему те люди, которые будут осваивать такое важное и нужное дело, здесь никого не интересуют? Разве можно преподавателю так бестактно вести себя по отношению к ученикам и показывать, что его волнует только одно – внесена ли определенная сумма на счет бухгалтерии?» Если на представителей мужского пола преподаватель еще иногда взглядывал, отрываясь на миг от своей бумажки, когда называл фамилию, то к пожилым женщинам и девушкам он обращался одинаково и без разбору – «мадам!».

От этого обращения девушки, рассевшиеся на передних партах, как птички, хихикали и смущались. Парни в задних рядах тоже потихоньку стали отпускать комментарии. Поднялся шум.

«Настоящие преподаватели так к ученикам не относятся. Халтурщик какой-то!» – подумала Нина. Ей стало стыдно и скучно. Чтобы отвлечься, она начала рассеянно листать брошюру с правилами дорожного движения и даже не расслышала, когда преподаватель обратился к ней:

– Мадам?

Она не ответила. Он повторил. Не понимая, собственно, что на нее нашло и против чего она протестует своим молчанием, напряженная, злая, она уперлась взглядом в стол. От удивления, что она не отвечает, все стали смотреть на нее.

Видя, что она не реагирует, преподаватель провел пальцем по списку.

– Воронина здесь?

Непроизвольно сказала привычка. Машинально Нина, как и подобает хорошему ученику, встала из-за стола.

– Я.

– Можете сидеть. Где работаете? – буркнул преподаватель.

– Я преподаватель, – сказала она.

– Да меня не интересует, кто вы по профессии – с раздражением поднял он на нее глаза. – Мне надо записать в журнал место вашей работы!

Она поджала губы и назвала свое училище. Преподаватель поставил в журнале против ее фамилии какую-то закорючку.

«Как полезно, оказывается, после долгого перерыва снова сесть за парту в роли ученика! – подумала Нина. – Начинаешь лучше понимать своих ребят!»

Роберт же с неудовольствием думал совсем о другом: и это называется Женщина! Сидит все время какая-то кислая, пальцы одной руки сжала в кулачок... Пальто так и осталось болтаться на спинке стула. Сама худая, плечи – как грабли, да еще обтянулась тонким черным свитером. Психопатка, наверное! Нет, не повезло ему с дамами и в этой группе.

Нина пригнула голову, смутилась еще больше. Ей было неуютно среди молодых и внешне довольно самоуверенных соучеников. Она будто втянулась в свой стол.

Преподаватель решил наконец взяться за дело.

– Поднимите руки, кто считает, что уже умеет водить машину?

Поднялся целый лес рук. Только несколько человек сидели неподвижно.

– А кто только пробовал когда-нибудь водить машину?

Руки подняли остальные. Только Нина сидела, сжимая под столом кулачки.

«Так и есть, – подумал Роберт. – Все умелые, все грамотные! Все воображают себя крутыми водителями...»

Он посмотрел на Воронину:

– Кто вообще никогда не садился за руль?

Он мог бы и не смотреть на нее. Среди полной тишины робко поднялась только одна рука. Он мог бы с закрытыми глазами сказать, что она была обтянута рукавом черного свитера. А лицо над черным тугим воротником теперь было красное и немного испуганное.

Что ж, по крайней мере честно призналась... Роберт веселее посмотрел на нее.

– Не волнуйтесь, мадам! – громко сказал он – Научить человека ездить с нуля легче, чем его переучивать!

Вдруг из-за первой парты пропищала какая-то девушка:

– А как вас зовут? Вы нам еще не представились!

– У меня довольно редкое имя – Роберт Иванович, – снисходительно улыбнулся ей преподаватель. – Прошу не путать с Рудольфом Нуриевым, Родионом Нахапетовым, Ричардом Гиром и Ричардом Львиное Сердце. В крайнем случае запомните по поэту – Роберт Рождественский.

Все засмеялись.

«Себя-то он любит! – закусила Нина губу, – Роберт Иванович! А всех остальных – так «мадам»! Это несправедливо, и это надо исправить!» – решила она.

– На этом занятие окончено! – возвестил с некоторым подъемом Роберт. Он встал. Сегодняшнее времяпрепровождение смертельно ему надоело. Кроме того, он отлично помнил, что в соседней комнате его с нетерпением поджидают друзья. Он с грохотом вылез из-за стола, взял журнал и направился к выходу. Как всегда, курсанты окружили его с вопросами. Воронина тем временем надела пальто и встала у дверей. Роберт видел ее через толпу краем глаза.

«Сейчас будет переспрашивать то, что я уже повторил три раза, – с неудовольствием подумал он. – Такие, как она, вечно на занятиях дремлют, а потом утверждают, что им все неправильно объясняли!» Он приготовился дать отпор или по меньшей мере сказать Ворониной что-нибудь ядовитое.

Курсанты наконец расступились, и Роберт двинулся к выходу. Воронина стояла, загоразживая собой дверь, и вовсе не выглядела жалкой просительницей. Она холодно смотрела прямо на него. Его удивил внезапно появившийся в ее взгляде блеск стали. В своем сером пальто и на больших каблуках она оказалась довольно высокой и напоминала ему теперь узкую голую скалу, всю в расщелинах. В кулаке у Ворониной он заметил какую-то бумажку.

– У меня к вам просьба! – тихо, но настойчиво сказала она.

«Такой вид, будто сейчас пристукнет!» – мелькнуло у Роберта. Он молча ждал, что последует дальше.

– Пожалуйста, – несмотря на вежливое начало, в голосе Ворониной слышался лед, – не называйте меня «мадам»! Здесь не Париж. В России же так принято обращаться к содержательницам публичных домов. А я по профессии математик, к публичным домам никакого отношения не имею. Называйте меня по фамилии. – Она протянула ему сложенный вчетверо бумажный листок. На нем крупными печатными буквами было написано просто: «Воронина».

В классе возникла тишина. Разговор был услышан теми, кто еще не ушел. Кое-где раздались смешки. Роберт обвел взглядом курсантов. Большинство из них сидели с постными лицами. Остальные склонились над своими сумками. Но и в защиту слова «мадам» тоже прозвучало несколько голосов.

– Подумаешь, «мадам» очень даже красиво звучит! Лучше, по крайней мере, чем «девушка», – донеслось из одного угла.

– Буду иметь в виду, – сухо ответил преподаватель, бросил бумажку в пластмассовое ведро для мусора и вышел из комнаты. – Нахалка и стерва! – прокомментировал он уже в коридоре. Пинком он открыл дверь в учительскую, где удобно устроились на подоконнике двое его друзей. Около них уютно располагались батарея пустых пивных бутылок и горка бутербродов с сыром.

– С боевым крещением! – Друзья протянули ему стакан.

– Ну как, есть все-таки в новой группе те, на ком можно глаз остановить? – через некоторое время спросил его Михалыч.

– Все как обычно, – ответил Роберт. – Ни хуже, ни лучше. Кроме одной стервозной дамочки, которой, видите ли, не понравилось, что я называю ее мадам.

– Держу пари, что это и есть та самая особа, что стояла перед занятием у ворот, – нарочито лениво, устремив глаза к потолку, протянул длинноволосый.

– Да какая разница, она это или не она! – взорвался Роберт. – Важно другое!

– Что именно? – Михалыч ласково подsunул ему бутерброд. Роберт запихнул в рот значительную его часть. Поднес к губам стакан. Овечий сыр с тминным хлебом был восхитителен на вкус. Горьковатая, прохладная, тягучая жидкость приятно освежила горло, но все это плотское великолепие не улучшило его настроения.

– Суть в том, – сказал он с набитым ртом, – что оба вы не видите за вашей глупой иронией некоего фатального, очевидного совпадения! Вот мы находимся здесь и сейчас в какую-то условную единицу времени. Мы – трое друзей; у нас есть гараж, правда, не наш собственный, а арендованный, и есть машины, и мы занимаемся их ремонтом, а кое-кто, – он кивнул в сторону Михалыча, – и их продажей. И вы упорно не хотите замечать, что все это уже было на земле, но не на самом деле, а в книге. И называлась эта книга – «Три товарища», и описаны в ней были трое друзей, бывших фронтовиков, в точности таких же, как мы, только помоложе, и точно такой же гараж, и почти такие же машины. А вы по собственному слабоумию не хотите признать, что просто так такие совпадения в жизни не случаются!

Добродушный Михалыч при этих словах недоверчиво покрутил головой, причмокнул и улыбнулся. Длинноволосый смаковал прохладное, действительно хорошее пиво.

– Наш бедный детеныш Роберт, – сказал он, аккуратно отломив себе тонкий кусочек сыра, – хотя давно уже вырос не только из школьных штанишек, но даже и из армейской формы, до сих пор не может забыть прочитанные в юности романтические книжонки. Не скрою, они чертовски привлекательны, когда тебе двадцать лет. Но он до сих пор жаждет приключений и никак не может смириться с тем, что романтические истории в жизни отнюдь не ведут к благополучному счастью! Ну, по совести говоря, – описал он широкий круг рукой, обращаясь к товарищам, – скажите мне, что стало бы с человечеством, если бы все люди на земле только и делали, что боролись со злом, спасали красавиц и искали сокровища? Кто тогда стал бы варить щи, выращивать скот, делать самолеты и проверять дневники у отпрысков? К тому же, как ни крути, очевидно, что настоящих героев на свете мало, а куда ни глянь – в водовороте жизни

крутится часто такое дерьмо! Но нашему Роберту хочется, чтобы ему непременно сделали красиво! Без этого он просто не может жить! – И, как бы заканчивая свою речь и ставя в конце точку, длинноволосый прикончил свой стакан.

– Вот ты тут юродствуешь, – заметил в ответ на его слова с мрачным спокойствием Роберт, – и даже не обращаешь внимания на то, что, если бы не твой дурацкий хвост, который просто не носили в двадцатые годы двадцатого века, ты сам-то внешне как две капли воды похож на Готтфрида Ленца. У тебя и лицо, и рост, и даже твой кривой палец точь-в-точь такие же, как описаны в романе. И ты считаешь все это простым совпадением? Не говоря уже о том, что и меня зовут так же, как в книге: Роберт.

– Слава богу, хоть я не вписываюсь в эту подозрительную компанию! – пробасил со своего места Михалыч.

– Подозрительную компанию! – с горечью повторил Роберт. – Да ничего лучшего, чем эта книга, я в жизни не читал! Материалисты вы проклятые! Вы не верите ни в непорочное зачатие, ни в тайну египетских пирамид, ни в вечную любовь, ни в романы Ремарка! А меня просто бесит, что при таком исключительном, немыслимом совпадении обстановки, характеров и имен с нами все равно ничего не происходит! Каждый день мы ходим сюда, в этот гараж, ремонтируем эти машины, раз в три месяца принимаем на занятия новую партию дураков и больше ничего не хотим! Нас засасывает болото! Жизнь утекает между пальцами зря, а мы смотрим на это и молчим, или глупо хихикаем, или заливаем глаза спиртным и считаем, что все идет как по маслу! Лучше и не придумай!

– Ну я-то хожу в этот гараж только затем, чтобы помочь вам, когда мне надоедает сидеть одному на своем участке, – невозмутимо заметил в ответ на эту взволнованную тираду обладатель соломенного хвоста. – Я-то, между прочим, уже давно сменил свое тривиальное звание военного врача на гордое прозвище свободного землепашца. И когда я представляю, как с первыми лучами весеннего солнышка на моих грядках поднимается зеленая поросль молодого лучка и вспухает под землей редиска, я предвкушаю тот сокрушительно мощный хруст, с которым ты, мой дорогой разочарованный друг, будешь перемалывать челюстями эту прелестную молодую зелень с черным хлебом под водочку.

– Иногда я завидую тому, что ты роешься в одиночку, как крот, на своем участке! А иногда не понимаю, как можно не повеситься от тоски, занимаясь этим унылым делом, – все время копать в земле и думать только об урожае картошки. Можешь считать это моим ответом, – с вызовом заметил Роберт и взял с подоконника новый бутерброд.

– Да тише вы, тише, спорщики! – Михалыч ловко открыл последние две бутылки. – Вся эта романтика в голове у Роберта потому, что мы с ним теперь уже не гоняем, хотя когда-то были неплохими гонщиками! Когда гоняли, ему было не до книжек! – Михалыч почесал горлышком одной из бутылок за ухом. – Но может, теперь это и к лучшему. Сами посудите, какая у гонщиков жизнь? Вечные переезды, травмы, гарь, вонь, поломки... И засасывает все это... Обидно, правда, бывает иногда, что прежнего уже не вернешь, запал весь вышел, жизнь проехала мимо, но только лично у меня теперь есть Галка и дом. Ну и дети. Я уже не такой молодой, как вы. – Михалыч вздохнул. – Как жизнь течет теперь, так и ладно! Лишь бы не было хуже! А уж того, что было с нами на войне, я и вообще вспоминать не люблю!

– Мы с тобой, Михалыч, на гонках и призы брали, и побеждали, – с обидой сказал ему Роберт. – Хоть я тогда был салагой, а ты мужиком в самом соку. Так что я себя неудачником не считаю! А ты имей в виду, – обратился он к длинноволосому, – что с сегодняшнего вечера я буду называть тебя Готтфридом Ленцем, чтобы приманить таким образом удачу. Может быть, хоть это повлечет за собой какие-нибудь перемены в нашей жизни!

– Вообще-то я прекрасно всю жизнь чувствовал себя Владимиром Петровичем, – скептически заметил новоиспеченный Ленц, – ну уж ладно, ради твоего хорошего настроения потерплю. Можешь называть меня, как тебе вздумается, прощаю это дурацкое шаманство. Но

вот только не смущает ли тебя, – в глазах его промелькнули острые огоньки, – что в конце твоего любимого романа настоящего Ленца убивают какие-то подонки? И если приключения все-таки свалятся на нашу голову, то мне тогда придется умереть! А мне хочется еще пожить, имей это в виду! – Длинноволосый друг тоже обнаружил неплохое знание литературы. Правда, Роберт давно уже прожужжал друзьям уши насчет своей любимой книжки. Сам Роберт действительно немного смутился при этих словах.

– Нельзя же принимать все так буквально.

– К тому же, если мне не изменяет память, – не унимался бывший Владимир Петрович, – друзей было трое, но с ними была еще и женщина? Пат, если не ошибаюсь? Где же она?

– Да вон она стоит! – вдруг пробасил Михалыч и показал бутылкой в окно. И Роберт, и Ленц в изумлении уставились в темноту ночи. Оказалось, что пустынный с виду двор вовсе не был в действительности пуст. Из глубокой тени на неправильный прямоугольник света, лившегося из их единственного во всем здании освещенного окна, вышла та самая курсантка Воронина, которую Роберт в сердцах совсем недавно обозвал нахалкой и стервой. Она переступала ногами, обутыми в легкие туфельки, по сырому асфальту и плотно прижимала воротник пальто к горлу так, что всем сразу даже издалека стало ясно, что она отчаянно, почти смертельно, замерзла.

– Что это она до сих пор здесь делает? Я всех учеников распустил уже сорок минут назад, – удивился Роберт.

– Ждет, наверное, кого-нибудь, – высказал предположение Ленц.

– Ты бы подвез ее! Она замерзла, – подтолкнул Роберта под локоть Михалыч.

– Вот уж ни к чему! – отвернувшись от окна, ответил тот.

– Ну как хочешь, а вообще-то всем пора по домам! Меня же Галка ждет! – вдруг вспомнил, засуетился Михалыч и начал поспешно прибирать на подоконнике крошки, составлять обратно в спортивную сумку пустые теперь бутылки.

– А меня никто не ждет. – Роберт вспомнил о своей пустой, неприбранной квартире. «Так бы и сидеть с друзьями всю ночь, – думал он, собираясь, – и пусть бы наконец Пат все-таки встретила на моем пути! Я так долго ее ищу...» Его мысли действительно, как заметил Ленц, напоминали шаманство. Роберт никогда не носил крест и был по сути язычником. Во всяком случае, в своих обращениях к небесам его просьбы были больше похожи на примитивные моления о дожде, чем на осмысленные молитвы более поздних верований.

Ленц, помахивающий у двери связкой ключей, повернул выключатель. Светлый квадрат окна на черном асфальте внезапно погас.

Нина Воронина подняла вверх голову, оглядела теперь уже полностью темное и от этого кажущееся еще более мрачным здание, грустно вздохнула, тряхнула головой, перекинула сумку с одного плеча на другое и торопливо пошла со двора. Ей не хотелось, чтобы ее увидели те, кто сейчас должен был выйти из школы. Она не знала, кто это был, но чувствовала себя как в ловушке. Уж если ее не встретил Кирилл на своей «БМВ», как она просила его, лучше было торопливо бежать самой по хоть и плохо, но освещенному бульвару, чем навязываться во внезапные попутчики к незнакомым людям. Скульптурный поэт с испуганным видом долго еще смотрел ей вслед сквозь тени берез, окружавших его, в то время как Нина, не вытирая бегущих по щекам тоненьких струек слез, уже стояла на совершенно пустой троллейбусной остановке. Все напряжение этого дня, так долго копившееся в утренних волнениях, в дневных сборах, в вечерних ожиданиях чего-то умного, хорошего и оказавшегося несбыточным, выплеснулось сейчас на ее бледные щеки потоками внутреннего дождя души.

«Почему все так глупо происходит в моей жизни? Или, вернее, *не* происходит! Почему все так несправедливо? Чем я провинилась?» – спрашивала она себя и не находила ответа. Наконец запоздалый, но, к счастью, полупустой троллейбус подошел к остановке, и с чувством облегчения, что все-таки она не одна в этом мире, Нина вошла в его распахнутые двери и

уселась на самое высокое место в салоне – за кабиной водителя. Мимо нее проплывали темные, казавшиеся чужими и таинственными улицы, – Нина не часто теперь ездила одна поздними вечерами. Она сидела и видела в стекло кабины освещенный салон и в нем себя с усталым и бледным лицом и вспоминала весь этот долгий день с самого утра, который еще не заканчивался здесь, в этом полупустом и поэтому почти интимном средстве передвижения, а должен был продолжиться дома встречей с Кириллом. Она решила, что не будет спрашивать его, почему он ее не встретил: просто ли забыл о ее просьбе или не приехал специально, из принципа, чтобы показать, что он категорически против ее занятий. Но тогда не сказать ей об этом заранее было просто жестоко, она так замерзла, ожидая его в темном дворе, что до сих пор ее колотила неприятная дрожь. Нет, она не будет спрашивать его ни о чем, пусть эта ее невыполненная просьба останется на его совести, в очереди других ее невыполненных просьб и пожеланий, в очереди таких же серых и скучных дней, какой был у нее сегодня. Она вспомнила этот день с утра.

– Сегодня первое сентября! – сказала она, подходя к окну, в то время как он сосредоточенно поглощал поданный ею его ежедневный диетический завтрак. Ей не надо было идти в этот день на работу – в своем училище она работала лишь на полставки и ходила на занятия два раза в неделю. Он ничего не ответил ей и лишь повернулся спиной со вчерашней газетой в руках, только бы она ему не мешала. Из огромного эркерного окна кухни с высоты птичьего полета она пыталась разглядеть прелестные фартучки и банты маленьких девочек, которых, очевидно, мамы вели в школу в первый раз в их маленькой еще жизни. Она вспомнила, что и ей предстоит впервые сегодня пойти на занятия в автошколу. Как она будет там учиться? Нина уже несколько дней все томила мыслью, собирать или не собирать документы в автошколу. Сердце у нее замирало, а колени дрожали от страха. «Ничего у меня не получится! Мое время уже ушло, и надо дать дорогу молодым!»

Она ходила по улицам и с удивлением наблюдала, как совсем, на ее взгляд, молоденькие девочки лихо управляют с автомобилями. «А у меня не выйдет! – думала она с ощущением безнадежности затеянного. – Слишком уж я засиделась дома, отстала от времени, превратилась в дохлую курицу. Недаром Кирилл надо мной смеется!»

Накануне она сообщила мужу о своем намерении учиться вождению. Он посмотрел на нее как на ненормальную.

– Выбросишь только деньги и время! – предупредил он. – Машину я тебе не дам, да и ездить тебе на ней некуда! На работу по прямой от дверей до дверей пешком идти полчаса. На машине ты будешь объезжать час.

Ей стало обидно.

– Почему ты думаешь, что я могу ездить только на работу?

– А магазины у нас вообще рядом с домом, – пояснил муж.

Она открыла было рот, чтобы что-то сказать... и закрыла его по привычке – в последние месяцы она совсем перестала ему возражать. Возможно, Кирилл в большинстве случаев был прав, но в его правоте присутствовала какая-то оскорбительная несправедливость. Значит, по его мнению, ее удел – только магазины, хозяйство и работа. Да, такова судьба большинства женщин. Что-то яркое, запоминающееся в жизни для большинства редкость, как редки звезды первой величины. Она опять подумала, что созвездие Рака относится к четвертой. После поездки в Ярославль как-то получалось само собой, что она открывала рот только для того, чтобы пить или есть. Не более того. Любое ее замечание вызывало у мужа приступ непонятного раздражения. Но сейчас она почему-то не захотела больше с этим мириться. Ей стало все равно, раздражает она его или нет. И она, правда, с трудом, все-таки сумела выдать из себя:

– По закону я имею полное право пользоваться обеими нашими машинами и ездить на них куда захочу. После того как получу права.

– А когда влупишься в какую-нибудь иномарку, тогда будешь этими правами права качать? Платить же буду я?

В его голосе слышалась неподдельная злость. С удивлением Нина вспоминала рассказы некоторых женщин, ее коллег по училищу, мужа которых сами предлагали им учиться вождению. «А что? Очень удобно, – якобы говорили эти мужья. – Мы можем расслабиться, выпить, особенно на даче, на природе... а милая женушка доставит нас с комфортом домой!»

Нине эти разговоры казались фантастикой. Ее приводило в недоумение, почему она выглядит в глазах Кирилла совершеннейшей, стопроцентной тупицей, которая, по его словам, не могла бы освоить то, что оказывалось доступно многим другим. Нина с обидой вспоминала, что в университете была на хорошем счету, считалась способной студенткой, да и самому Кириллу помогала в учебе не раз. Конечно, теперь все забылось. Теперь считалось, что муж зарабатывает деньги, а она сидит у него на шее.

– Многие женщины ездят и не попадают в аварии. Наоборот, по статистике женщин – виновниц крупных аварий во много раз меньше, чем мужчин. И ты сам тоже можешь влупиться в дорогую иномарку с таким же успехом...

Ей, кстати, действительно казалось, что он ездит как-то слишком уж нервно – круто поворачивает, резко тормозит... но ей трудно было говорить с ним об этом – у мужа был приличный водительский стаж, а она даже никогда не садилась за руль, и потом, все-таки аварий на его счету было всего две или три. И все они были мелкие и произошедшие не по его вине. Как ей хотелось бы услышать с его стороны слова поддержки! Как было бы здорово, если бы он сам поучил ее водить хоть немного! А он только заорал в ответ:

– Я – мужчина, ты – женщина! У тебя замедленная реакция, как у всех баб! И зачем тебе вообще это надо? Чтобы создать в семье дополнительные проблемы? Ты что, не понимаешь, что я и без того устаю на работе?

Она подумала, что с тех пор, как он стал начальником над целой толпой красивых и умных женщин, он научился нормально разговаривать с ней. Ее просто поражала его теперешняя грубость. Когда он начинал так кричать, она сразу замыкалась в себе, и ее начинало тошнить. То ли от унижения, что он считает ее совершенной дурой, то ли от страха, что он ее бросит, как тот, другой мужчина, бросил ее подругу Пульсатиллу.

Она думала: «Пульсатилла теперь сама стоит за себя и еще за девчонок. Пульсатилла – сильная женщина». Она, Нина, наверное, так не сможет. Она уже привыкла жить за спиной мужа без материальных проблем.

Но все-таки некоторую справедливость мужниных слов она не могла не признать.

Что ни говори, а она действительно ходит преподавать в свое училище всего на полставки. И то ходит неизвестно зачем, деньги, которые она зарабатывает, – не деньги. Она преподает, чтобы не сидеть дома. Сотни женщин мечтают о такой жизни. А на деле вот во что это выливается: «Поддай, принеси, пошла вон!» В его голосе отчетливо звучат барские нотки и явная угроза: «Если тебя не устраивает твоя жизнь – освободи место. На него кинутся толпы желающих!» Каждый вечер подспудно рефреном идет: «Ты ничего не понимаешь в жизни! Мыслишь ужасно старомодно!» И тут же: «Не видела, где мои носки, костюм, рубашка и плащ?»

– Конечно, видела. Сама и убирала после стирки и чистки. В твоём шкафу все лежит, на своих местах!

Он мог бы даже не открывать рот по поводу разных просьб. Он еще только, бывало, подумает о чем-нибудь, а она уже знает, что ему нужно. А часто она и думала раньше его. Прав он был в том, что она не хотела меняться, приспособливаться, поддакивать, плыть по течению. Кое в чем она была упряма. Не очень следила за модой во всех ее областях. По многу раз перечитывала одни и те же книжки. Имела свое мнение. Ни Мураками, ни Павич ее не впечатляли. Она любила подолгу носить одну и ту же одежду, потому что привыкала к ней

и одежда становилась частью ее самой. Перемена собственного имиджа казалась ей в чем-то предательством. Летом она любила одеваться в белое и синее, зимой – в черное и серое. Да и смысла выпендриваться не было уже давно. Перед кем ей было наряжаться? Перед нищими преподавателями училища? Или перед молоденькими студентками? А Кирилл в последние годы все равно был недоволен ее внешним видом, что бы она ни надела. Что она позволяла себе менять, так это брюки на юбку, а потом уже юбку снова на брюки. Ее синий шарф в машине был из той же череды неизменных вещей.

Итак, Нина занималась в этот день своими обыденными делами и все еще пребывала в нерешительности. Ученики всех мастей уже оттащили своим преподавателям охапки роз, георгинов и гладиолусов, первоклассники отзвонили в украшенные бантами звонки. Мальчишки-выпускники откурили, отпили, отговорили недавно прорезавшимся баском сомнительные остроты в самых запущенных уголках школ, девочки парами отходили по коридорам, будто по подиумам, показывая всем страждущим ножки, прически и новые туфли, а она все не могла решить – идет или не идет она учиться в автошколу?

Утром она попросила Кирилла встретить ее после занятий, но он пробурчал что-то невнятное. В результате она не поняла, слышал он или нет, что она сказала. Но ведь было время, когда он был к ней так внимателен! Неужели ничего в жизни нельзя вернуть?

Например, в пору, когда она только начала носить свой синий шарф, Кирилл ласково говорил ей шутя:

– Гюльчатай, открой личико! – И, отводя в стороны куски нежной материи, целовал ее в губы, в глаза, в щеки. Шарф ее с тех самых пор остался тем же самым, а времена изменились – муж начал отдавать предпочтение фигуристым ярким блондинкам, а когда ее целовал последний раз – она уже и не помнила.

То, что он отдавал предпочтение именно блондинкам, Нина заметила в новой машине. Блондинки – это ведь не только цвет волос, это определенная каста, тип женщины. Может быть, этот тип теперь импонировал Кириллу больше других, а может, он просто опасался за свой новый автомобиль, но блондинок за рулем он всегда пропускал вперед, несмотря на то, что уже давно твердил, что «женщина на дороге – преступление!». Пожалуй, только Пульсатилла, которая как раз и была природной блондинкой, не вызвала у него никаких эмоций. Ему совершенно явно нравились крашенные блондинки – роковые, наглые, сексапильные. Нина же по своей природе имиджу блондинки не соответствовала. Но однажды, желая привлечь внимание мужа, она все-таки высветлила волосы «Блондораном». Результат не понравился ни Кириллу, ни ей. Светлые волосы вовсе не сделали ее похожей ни на Мэрилин Монро, ни на Катрин Денев. Так или иначе, эксперимент этот закончился тем, что Нина в тот же вечер вылила себе на голову еще одну баночку с краской и через сорок минут превратилась в прежнюю банальную шатенку с мягким рыжеватым отливом волос. Наверное, из-за обострившегося в последнее время чувства неуверенности в себе у нее и не возникало желания научиться водить машину. Но теперь, после поездки в Ярославль, ей почему-то страстно захотелось уметь управлять чудовищем на колесах. И вот этим вечером, собрав необходимые справки, уплатив сразу за весь срок обучения, она все-таки пришла на первое занятие и пополнила собой ряды учеников, ожидающих возле беседки во дворе автошколы. Жаль, что это так долго ожидаемое занятие прошло так бездарно!

Троица друзей тем временем выкатилась из здания школы в четырехугольник двора. Здесь они разделились. Михалыч на своей солидной семейной «Волге» первым поехал домой, опасаясь Галкиного гнева. А Роберт и Ленц еще постояли на улице возле синей «девятки», посмотрели в опять затянувшееся облаками темно-серое небо, покурили на свежем воздухе, попрощались со сторожем и наконец тоже уехали со двора. Роберт повез друга на его фазенду. Туда и обратно было около восьмидесяти километров, поэтому вернулся он уже ночью. Ленц оставлял его у себя ночевать, но Роберт, казалось, вспомнил о каком-то важном деле и во что

бы то ни стало решил вернуться домой. Поставив машину под окнами своей старой хрущевской пятиэтажки, он не поторопился скорее выйти из нее, а еще посидел в ней некоторое время, подумал, покурил, а потом зачем-то снова достал из отделения для перчаток, повсеместно в России называемого бардачком, потрепанный учебный журнал. В машине было полутемно, и ему пришлось подсветить себе карманным фонариком.

– Как бишь там ее зовут, эту нелюбительницу публичных домов... – бормотал он с непонятным ему самому чувством, проводя пальцем по строчкам, чтобы отыскать нужную фамилию. – Нашел, – сказал он себе и поднес журнал поближе к глазам – Воронина Нина Илларионовна... – Роберт пожал плечами: – Язык сломаешь!

Он выключил фонарик, вышел из машины и аккуратно выкинул потушенную сигарету в урну у подъезда. Его по-спартански обставленная квартира на втором этаже была привычно пуста, и он даже не стал включать свет, чтобы не видеть покрытый пылью пол и старую мебель. Еще немного постояв в темноте у окна и глядя на мелкие, как монетки, колышущиеся от ветерка листья берез, он выкурил в молчании еще одну сигарету, потом опять громко и раздельно, будто нараспев, произнес:

– Подумать только: Воронина Нина Илларионовна!

Он снова, будто не понимая сам себя, пожал плечами, отошел от окна, разделся и плюхнулся в кровать.

4

Программа занятий в автошколе состояла из двух частей. Два раза в неделю ученики обязаны были изучать в учебной комнате теоретическую часть и три раза в неделю приходиться на практическую. Практические занятия назывались вождением. С одной частью учащихся вождением занимался сам Роберт, а с другой – старший мастер Михалыч. Нине было все равно, с кем заниматься. Она испытывала перед первым занятием по вождению сверхъестественный, почти первобытный страх. «Что же будет, если я разобью машину?» – думала она. Ей казалось невозможным представить, что она через несколько дней должна будет не только трогать с места эту махину, какой представлялся ей обыкновенный автомобиль «Жигули», но и сможет ездить на ней! С Робертом ли, со старшим ли мастером, ей было все равно... лишь бы кто-нибудь ее научил!

Распределение на вождение по группам должно было произойти на втором теоретическом занятии. В тот день они начали изучать правила дорожного движения и дорожные знаки. И это занятие, так же как и первое, проходило скучно и монотонно. С утра у Нины на работе было четыре пары уроков – две с утра и две после обеда, поэтому к вечеру от усталости ее уже здорово клонило в сон. Преподаватель все тянул и тянул, будто на одной ноте, сначала про правила переезда через железнодорожные пути, потом про знак «Уступите дорогу». Нина, которая в детстве училась в математической школе, а в юности – в университете, схватывала все на лету, и многократное повторение одной и той же информации ее усыпляло. К счастью, преподаватель на этом занятии не обращал на нее никакого внимания, будто ее и не было в группе, хотя к другим ученикам он обращался по разным поводам по несколько раз. Она тоже молчала, аккуратно записывая в специально заведенную тетрадку то, что он объяснял.

«Может, и лучше, что он на меня не смотрит, – размышляла она. – Меньше будет цепляться. А с кем учиться вождению, мне все равно». Но все-таки червь беспокойства неприятно шевелился у Нины в груди. Наконец преподаватель покончил с дорожными знаками и огласил списки учеников, зачисленных в ту или другую группу.

Пока он перечислял фамилии, курсанты напряженно молчали. Но вот он окончил, и группа зашевелилась. Многие хотели что-либо уточнить или перенести время занятий, Нинина фамилия вообще названа не была.

«Меня он, очевидно, исключил из списка», – подумала она, скептически сморщив губы, и стала складывать в плоский портфельчик книжки, одновременно раздумывая, что ей делать. Подходить к преподавателю специально для выяснения ситуации у нее не было никакого желания. И вдруг Роберт объявил:

– Да, чуть не пропустил... Воронина Нина Илларионовна будет заниматься со мной. – Ее имя и отчество он выговорил громко и очень отчетливо.

Она вздрогнула, подняла голову, посмотрела на преподавателя внимательно. Она могла бы поспорить, что он специально назвал ее самой последней. Но Роберт с тем же равнодушием, что и раньше, уже делал в своем журнале какие-то пометки, и ей не удалось поймать его взгляд. Тут же его окружили те из учеников, кто хотел поменяться друг с другом временем занятий. Нина взяла пальто и пошла к выходу. Почему-то ей показалось, что преподаватель должен был хотя бы посмотреть ей вслед. Она быстро обернулась. Роберт Иванович в этот момент оживленно разговаривал с молоденькой девушкой-курсанткой, а на нее смотреть и не думал. Нина гордо выпрямила спину, повернулась и пошла прочь из учебной комнаты.

Михалыч и Ленц, так же как и всегда по вечерам, поджидали своего товарища. В комнате учительской сегодня заняли места коллеги Роберта из числа молодых и рьяных, поэтому друзья околачивались в коридоре, навалившись локтями на подоконник, лицами к двери в учебную комнату. За их спинами в окне, не прикрытом даже символическими шторами, синел

ранний вечер, а через стекло форточки в помещение школы заглядывал веселый молодой месяц.

«Ишь, собутыльники!» – с раздражением подумала про них Нина и, тут же отвернувшись, устремила вниз по лестнице.

Дождавшись, пока страсти по согласованию расписания в группе улягутся и последний учащийся выйдет из комнаты, Роберт сложил многочисленные бумажки, справки, списки, тетрадки в журнал и присоединился к друзьям. Все вместе они пошли в учительскую, чтобы взять оставленные там сумки.

Глядя на друзей не прямо, а исподтишка, неестественным образом снизу вывернув голову, один из молодых коллег, всегда определеннее других высказывающий свои взгляды на жизнь, обратился к Роберту.

– На минутку, поговорить!

Роберт подошел к тому месту, где расположились четверо их оппонентов.

– Ну так как, Роберт Иванович? – слегка усмехаясь, начал молодой заводила. – Давайте делиться!

– Чем это? – делано удивился Роберт. На самом деле он вполне догадывался, о чем может пойти разговор.

– Вы себе такую большую группу учеников захапали, а мы тут после отпуска на мели, – не смущаясь, продолжал заводила. – Тридцать человек вполне можно было бы разделить на две группы. Тогда и нам кое-что бы перепало!

Поскольку Роберт и так разделил группу из этих тридцати человек пополам между собой и Михалычем, он решил держать оборону твердо.

– Группа моя, я решаю, как поступать с учениками, – сказал он на первый взгляд спокойно, но верхняя губа у него еле заметно дернулась.

– Да не волнуйтесь вы, бог с ней, с группой, – утешающим жестом махнул в его сторону заводила. – Речь о другом. Поделитесь с нами теми учениками, кто может заплатить бабки.

Михалыч и Ленц, уже вышедшие было в коридор, вернулись и встали у дверей, готовые вмешаться по первому требованию. Это не укрылось от молодых, и они, переглянувшись, ехидно заулыбались.

– Откуда же я знаю, кто может платить бабки? – попытался уйти от такого поворота Роберт.

– Не надо из нас пацанов делать, в натуре! – Один из молодых нервно смял сигарету и кинул ее под стол. – А то ты не догадываешься, блин, о чем мы тебе толкуем!

В каждой группе всегда попадалось несколько человек, которые сразу, еще в самом начале занятий, обращались с просьбами помочь получить права так, без учебы. Как не без оснований эти люди рассчитывали, преподаватели автошколы имели довольно тесные знакомства с ГАИ. Некоторые считали, что уже достаточно хорошо умеют ездить и так, другим было некогда ходить на занятия, у третьих находились еще какие-нибудь причины, в общем, за организацию этой услуги люди выкладывали неплохие денежки. Роберт и друзья, конечно, пользовались этим, но им не нравилось изначально, в принципе оказывать такого рода помощь. Они прекрасно сознавали, чем в конечном итоге могут закончиться на дороге такие услуги, но шли навстречу желаниям учащихся, так как хорошо знали: откажутся помогать они – те, кому это надо, все равно найдут выходы через другие каналы, и денежки просто уплывут в другие руки. Но был в школе и еще один путь зарабатывать бабки, более приятный и честный, хотя и более трудоемкий – частные уроки вождения.

Из-за того, что школа старалась охватить как можно больше желающих учиться, количество учебных часов с каждым годом сокращалось, группы сменяли друг друга просто-таки с калейдоскопической быстротой. Когда-то бывший полугодовым цикл обучения сменился четырехмесячным, потом стал трехмесячным, теперь он составлял уже только восемь недель.

Бывало даже, что Роберт с удивлением и раздражением читал объявления других автошкол: «Научим вождению за один месяц!»

Естественно, при таком сокращенном сроке учебы научить новичка водить машину как следует было невозможно, и если ученик желал, он мог договориться с преподавателем и взять частные уроки. Роберт, да и Михалыч, чтобы не связываться со школой, практиковали на своих машинах. У Роберта на его «девятке» был поставлен второй тормоз, а у Михалыча для этих целей имелась настоящая учебная машина, когда-то списанная по старости, а потом перебранная и доведенная им до ума вручную собственными силами с помощью все тех же друзей. Молодые же повсюду эксплуатировали в своих целях школьные машины, даже не думая ремонтировать часто случающиеся поломки или вкладывать в ремонт свои деньги. Сколько раз уже получалось, что занятия с плановыми учениками срывались из-за того, что накануне машины были сломаны борзыми парнями и оставались так и стоять брошенными во дворе, иногда даже с не снятыми тросами для транспортировки. Поэтому Роберт и Михалыч старались содержать отдельно свои учебные машины. Тем не менее на ночь все машины оставались в одном гараже. У каждого из преподавателей был свой ключ. Вывести же с утра пораньше или даже поздно вечером или ночью за ворота школы машину какую получше, пускай даже чужую, считалось у молодых чем-то вроде особенной молодецкой доблести. Сторож с легкостью открывал ворота за бутылку или эквивалентную ей денежную сумму. Сторожей выгоняли, но это ни к чему не приводило. Молодые ехидно посмеивались и продолжали действовать так, как хотели. Так вот сейчас они как раз и завели разговор о том, чтобы Роберт передал им часть новичков из своей группы. Михалыч в этом случае должен был бы остаться на три месяца на одной зарплате.

– Может, тебе просто дать от квартиры ключ, где деньги лежат? – тихо произнес Роберт бессмертные слова Остапа Бендера.

– Давай! – нисколько не смущаясь, ответил заводила.

– Мы, значит, тут почти месяц корячились, машины эти до ума после каникул доводили, а вы пивко в беседочке тем временем попивали, – вмешался тут в разговор ставший грозным Михалыч. – А теперь вам на подносике надо готовые игрушечки преподнести, чтобы вы их тут же и сломали! – У Михалыча взъерошились на загривке остатки волос, могучие плечи приподнялись, и руки с огромными кулаками выдвинулись наружу. Самый наглый из молодых посмотрел снизу вверх на всю фигуру Михалыча и, с виду сдав на попятный, перемигнулся со своими приятелями.

– Ну ладно, ладно, командир, – будто бы успокаивающе поднял он руку. – Чего без толку-то торчать! Просто мы конкретно после отпуска на мели, хотели подзаработать, Ну, если нет, значит, нет, базар окончен... – И он с деланным равнодушием отвернулся, показывая, что разговор можно считать завершенным.

Роберт хлопнул Михалыча по плечу. Развернувшись, они подхватили с собой Ленца, и у оставшихся сидеть за столами парней возникло ощущение, что по классу прошла и выкатилась наружу мощная океанская волна.

– Сволочи и тунеядцы, – сказал, обдумывая что-то, Роберт, когда друзья втроем уже вышли на улицу. – Ни совести у них нет, ни чувства приличия.

– Дети они еще, беды как следует не видали. – Грозный с виду Михалыч на поверку был добрейшей души человек. – От армии откосили, работать толком не умеют. Вот и сидят, вместо ремонта пиво в беседке пьют да девчонок в машине лапают.

– А те визжат не без удовольствия? – улыбнувшись, спросил Ленц.

– Всякое бывает, – вздохнул Роберт.

Товарищи засмеялись.

– Любят тебя женщины, не приbedняйся! – заметил Михалыч и добавил: – Галка моя все время говорит, что тебе жениться пора!

– Женился уже один раз, хватит. Пусть лучше Ленц еще разок пробует!

Сверху двор освещала луна, ей ассистировала пара фонарей, покачивающихся на небольшом ветерке. Было сухо, прохладно, но не холодно. Гараж стоял открытый, в нем тоже горел свет, и на фоне вечерней темноты машины в нем казались чудом современного автомобилестроения. Они были такие ухоженные, чистенькие, будто только что умытые перед сном дети, что тут же хотелось сесть в какую-нибудь из них и поехать путешествовать бог знает куда далеко.

– Устроят нам эти друзья какую-нибудь пакость, – предположил Роберт, оглядывая гаражное богатство.

– На всякое действие должно быть свое противодействие, – философски заметил Ленц. Друзья закрыли гараж, попрощались со сторожем, удивительно трезвым еще в этот вечер, расселись по машинам и разъехались по домам. Ленц в эту ночь собирался ночевать у Михалыча.

5

Чтобы добраться от дома до автошколы, Нине нужно было ехать на троллейбусе около часа. Но она могла бы выйти пешком на окраину своего нового микрорайона и достичь нужной магистрали, в которую упирался бульвар, пробежав тропкой через заброшенный парк, за сорок минут.

Раньше на этой территории располагалось огромное поместье богатого вельможи. Теперь же в перестроенном дворце дышал на ладан научно-исследовательский институт. Местной достопримечательностью была еще и теряющаяся в овраге речушка, по виду так просто ручей, пересекаемый пешеходным горбатым мостиком с витыми решетчатыми перилами. Речушка вытекала из трех бывших помещичьих прудов, каскадом соединяющихся друг с другом. Пруды сохранились и поныне. Потомки крестьян, живущие здесь с незапамятных времен, утверждали, что в прудах водились зеркальные карпы, на берегу была устроена лодочная станция для гостей, а чуть поодаль виднелся каменный театр в греческом стиле. Сейчас обмелевшие пруды заросли росянкой и тиной, и, кроме комаров, в них не обитал никто, даже лягушки. И только свирепые грифоны с огромными когтистыми лапами, охраняющие мостик через речушку, да чугунные львы на столбах у литых фигурных ворот в усадьбу сохранились в первозданном виде.

Действовала при усадьбе и церковь – прекрасных пропорций здание с высокими окнами, маленьким портиком и колоннами, со светлым каменным барабаном во втором этаже и еще какой-то финтифлюшечкой с круглой крышей на самой макушке. Не так давно церковь была отреставрирована, богослужения в ней возобновились. Местные жители, гуляя с собаками в зарослях куриной слепоты и крапивы, с одинаковым интересом пилились на свадьбы, похороны и крестины, проходившие здесь чуть не каждый день; сотрудники же института занимались своими повседневными делами и не обращали внимания равно как на проявление христианского культа, так и на языческих львов и грифонов. Обычная же городская жизнь кипела дальше – в школах и магазинах, располагавшихся ближе к широкому проспекту. А минуя подземный переход через него, можно было выйти и на бульвар.

Конечно, вечерами Нина выбирала троллейбусный маршрут, но ярким солнечным утром, какое выпало на первый день ее занятия по вождению, она решила пройти через парк.

Он был чудесен. Раннее бабье лето не обмануло ожиданий, но Нине в это утро было не до красот природы. Всю ночь перед занятием она не могла уснуть, все переживала, как же она впервые в жизни сядет за руль настоящей машины! Кроме того, утром она перевернула весь свой гардероб в процессе решения вопроса, что же надеть. В узких джинсах, как ей казалось, будет неудобно, тесно. Юбка поползет выше колен, а ведь придется двигать ногами, нащупывая педали, и это будет отвлекать внимание. Нина решила надеть спортивные брюки, в которых дома мыла полы, старые разношенные кроссовки, чтобы нигде ничего не жало, футболку (а вторую взять с собой, на случай если первая станет мокрой от пота), а сверху накинуть голубую ветровку, в которой она когда-то со своими учениками убирала капусту в пригородном хозяйстве. Не идти же на занятие в пыльный гараж в официальном костюме, в котором она посещает заседания педсовета. Спортом Нина не занималась, поэтому ничего более современного из такого рода одежды у нее не было. И она выбежала из дома, совершенно не оценив, как выглядит со стороны.

Тропинка в парке буквально ускользала из-под ее ног. Мостик с грифонами выгнул перед ней полукруглую спину. Сбегая с него, Нина споткнулась на выбоине в асфальте. С ходу проскакав несколько шагов на одной ноге, она остановилась. Боль оказалась не сильной, но неприятной. Нина вернулась к перилам, чтобы отдышаться, дать боли пройти. Сначала она смотрела вокруг себя отрешенно, погруженная в собственные ощущения, но потом в несколько секунд

красота окружающего мира во всем сиянии открылась перед ней. Она увидела и золотую листву на деревьях, и блестящий купол церкви, отражающий солнечные лучи, и высокое голубое небо, такое редкое для московской осени. Спиной она почувствовала что-то холодное и оглянулась. Тело грифона чернело за ней – это на него она оперлась, когда потирала ушибленную ногу.

– Да их тут четыре! – изумилась Нина, никогда раньше не обращавшая внимания на эти скульптуры. Да и ходила она этим путем раза два в жизни. Клювы грифонов были сомкнуты плотно, но сами чудовища не выглядели хищно: казалось, они просто поддерживали корпоративное молчание, находясь друг с другом в таинственном заговоре. Крылья же их были раскинуты широко, будто у взлетающих лебедей. Нина даже успела заметить, что чугунная поверхность одной из выдвинутых вперед звериных лап «ее» грифона была отполирована до блеска. Это означало, что отнюдь не она одна останавливалась тут, на мосту, а сотни свиданий, случайных и праздных остановок проходили здесь под бдительным, но не злым оком зверя-птицы.

Все было замечательно на этом берегу, вот только непонятный рев нарушал гармонию. Нина огляделась и с удивлением обнаружила, что напротив церкви, прямо на поляне старого парка развернулся комплекс детских аттракционов, и, судя по хорошо утоптаным дорожкам, по грудам еще не вывезенного мусора, комплекс этот успешно функционировал все лето. Сейчас же, в начале сентября, желающих поразвлечься в будний день значительно поубавилось, поэтому лошадки, держащие детские кресла карусели, уснули на ходу с выдвинутыми вперед копытцами, и неподвижно застыли на цепях лодочки-колыбельки. Только перевитые-перекрученные желоба «русских горок» изредка оживлялись визгом старшеклассниц, прогуливающих уроки.

Рев, беспокоящий Нину, доносился от автодрома. В разноцветных машинках беспечно сталкивались и разъезжались несколько дошколят, охраняемых бабушками и нянями.

«Им-то не страшно!» – подумала Нина, попробовала пошевелить ногой – она уже не болела, взглянула на часы и побежала дальше, мимо магазинов, через проспект и потом по бульвару.

Ворота автошколы, к ее недоумению, были закрыты.

Она подергала металлические створки и, ничего не добившись, вошла в боковую маленькую калитку.

Готовая к занятию чистенькая желтенькая машинка с буквой «У» одиноко стояла посередине двора. Ни в ней, ни около нее никого не было. Ворота гаража тоже были заперты. Нина осмотрелась. Маленькая коричневая дворняжка сидела возле переднего колеса машины и ожесточенно чесала за ухом. Двор автошколы был ограничен с одной стороны сплошной стеной здания из темно-красного старинного кирпича, с трех других – гаражами и заборами. Никого – только собака, стены да запертые двери, пустая, голая эстакада и горы старых покрышек в углу двора – вот что окружало Нину. Ей стало страшно и одиноко.

Дворняжка посмотрела на Нину вопросительно: мол, нет ли у тебя чего-нибудь съестного? Нина не собиралась прикармливать посторонних собак, поэтому дворняжка через секунду разочарованно отвернулась и побежала по своим делам. Нина же решила войти в здание с центрального входа. Она не знала, что в конце глухой стены, выходящей во двор, есть небольшая узкая дверца черного хода, более коротким путем ведущая в помещение школы.

Массивная дверь парадного подъезда захлопнулась за ней с глухим стуком. Огромный коридор первого этажа тоже был пуст. Широкие окна выходили на улицу, и через них Нина могла свободно видеть дорогу, по которой в самом скором времени ей предстояло ездить. Она свернула на лестницу. Ступени были высокие, каменные, а перила старые, довольно широкие, отполированные сотнями рук.

«У меня на работе все не так – гораздо современнее, лучше, чище», – с удовлетворением подумала Нина. Краем глаза при повороте на лестницу в конце коридора она заметила чью-то

блеклую фигуру, как ей показалось, в темно-сером халате и с неотчетливо видимым длинным предметом в руках, – мелькнувшую и через секунду пропавшую.

Нина не придавала видению совершенно никакого значения. И даже внезапный, резко прозвучавший звон стекла после звука удара не встревожил ее. «Окно неплотно закрыли, вот форточка и хлопнула, а стекло разбилось!» – машинально подумала она, всматриваясь в надписи на дверях. Она почему-то всегда чувствовала себя неуверенно в последнее время, особенно если где-то бывала одна. Вот и сейчас она не сразу смогла отыскать свой учебный класс, но все-таки после некоторых колебаний вышла в правильном направлении. Дверь в учебную комнату была неплотно прикрыта, и Нина сразу увидела Роберта, сидевшего за столом в согбенной позе и, как всегда, что-то пишущего в свой толстенный журнал с выпадающими страницами.

– Здравствуйте! – Она обрадовалась, что в этой пустынной школе все-таки нашла нужного ей человека.

– А? – Роберт вопросительно поднял голову. Во всем его виде не чувствовалось ни капли поддержки.

– У меня сегодня первое занятие по вождению...

– Ну если занятие, то пойдем! – Он взял журнал и пошел мимо нее к выходу, по дороге бросив на нее скептический взгляд.

Нине показалось, что он не только не хотел ее подбодрить, но даже наоборот.

«Ну-ну! Посмотрим сейчас, на что ты сгодишься!» Она подумала, что именно это прочитала в его взгляде. «Неужели мстит за «мадам»? Как это непорядочно – сводить счеты в такой момент...»

Роберт же обратил внимание совсем на другое. «Почему она так странно одета? – подумал он. – Неужели ненормальная? И руки у нее трясутся, как у алкоголички... А я еще записал ее к себе в группу! Возись теперь с ней! Того гляди, машину разобьет!» – Роберт стал спускаться по лестнице в состоянии крайнего раздражения. – Ну и Михалыч! – сетовал он. – Выдумал ерунду, будто эта Воронина в самом деле похожа на Пат!» А он, Роберт, как идиот, разволновался от этого сравнения. Даже ночью плохо спал. Все представлял, как придет к нему на занятие высокая нежная шатенка с мягкими волосами, пахнущими «Шанелью», с тонкими руками, в сером костюме, в туфлях на каблучках, с пониманием и усмешкой во взгляде.

И вот пришла эта тетка! В какой-то немыслимой куртке и вспухших на коленях штанах! С унылым носом и тоскливым взглядом! С трясущимися руками и пятнами на щеках! Надо было быть действительно полным идиотом, чтобы волноваться перед занятием с этой женщиной!

Спустившись по лестнице, Роберт повернул к черному ходу, вышел через маленькую дверь во двор и остановился как вкопанный. Одновременно с ним, с лязганьем распахнув двери гаража и с изумленным видом оглядывая двор, наружу вылетел Михалыч. Он устремился к машине, стоящей посередине двора, с таким видом, будто хотел придушить любого, кто стоит рядом с ней, тут же, на месте.

– Вот гады! Вот сволочи! Ну попадитесь только мне в руки! – Он тяжело дышал и мешал матюки с обычными ругательствами.

Роберт сначала тоже устремился к машине, но потом, словно раздумав, резко повернул и побежал через черный ход по лестнице в обратном направлении. Нина с недоумением смотрела то на одного, то на другого и вдруг поняла, что случилось. Еще минуту назад совершенно готовый к работе, нарядный, чистый учебный автомобиль, стоящий посередине двора, теперь был кем-то варварски изуродован. Он был похож на больное, избитое животное. На крыше его были видны две продолговатые вмятины. Треугольник с буквой «У», оторванный и покореженный, валялся на земле в куче осколков ветрового стекла, мелкой пылью усеивающих и капот.

– Вот идиоты! Вот козлы! – ругался Михалыч, взмахивая руками и бегая вокруг машины. – Сами не ведают, что творят!

Во двор вернулся запыхавшийся Роберт. Его лицо от бега по лестницам и от ненависти стало не красным, а бледным, а нос заострился. Нина заметила, что он сжал кулаки так, что косточки побелели.

– Кроме нас с тобой, в помещении кто-нибудь был? – спросил Роберт у Михалыча.

– Я никого не видел.

– Давай еще раз пройдемся по этажам! – Роберт потянул Михалыча за рукав.

– А как же я? – Нина с растерянным видом встала у них на дороге. – У меня сегодня занятие... – Она все еще не могла собраться с мыслями и в самом деле растерялась.

– Какое теперь уж занятие... – Михалыч обескураженно развел руками.

У Нины внутри будто образовался комок. Как же так? Она готовилась, страдала, переживала, а такой долгожданный урок теперь не состоится! Так велико было ее разочарование, что она, не подумав, спросила:

– А другой машины у вас нет?

В ее голосе звучала детская надежда. Роберт посмотрел на нее с нескрываемой злостью.

– Ваша машина вот эта! И только эта! У нас так заведено!

Он не мог понять, что хочет от него эта дамочка?! Она что, не видит, что произошло? Сама же машину прощляпила! Он ведь объявлял всем ученикам перед занятиями, что собираться на вождение нужно во дворе! Стояла бы она возле машины, так, может, и не было бы ничего! При ней-то не осмелились бы колотить по машине! Нет, поперлась она зачем-то по школе мотаться!

Он отвернулся и, больше не обращая на Нину никакого внимания, опять потянул Михалыча за рукав. А у той чуть слезы не выкатились из глаз от обиды; ей показалось все произошедшее абсурдным и несправедливым лично по отношению к ней. Если в школе бьют машины среди бела дня, как же в ней заниматься?

Михалыч посмотрел на нее и с проницательностью женатого мужчины понял, что ученица сейчас расплечется. Он был от природы добр, и ему стало жаль Нину.

– Идите домой! – сказал он спокойно и примирительно. – Починим машину, и будете ездить! Вас известят по телефону, когда нужно будет прийти! – После этих слов он удалился вместе с Робертом, чуть не бегом.

Нина в полной растерянности осталась одна. Еще какое-то время тупо смотрела она на разбитый автомобиль, потом вздохнула и пошла прочь. Она чувствовала себя как человек, которому утром предстояла серьезная операция, и он к ней готовился и переживал за то, как она пройдет, а ему вдруг объявили, что по не зависящим от него обстоятельствам операция должна быть перенесена. За воротами ее стало колотить мелкой дрожью.

«Вот тебе и первое занятие по вождению!» – сказала она себе, когда уже вышла за территорию автошколы и машинально остановилась у информационного стенда ГАИ с устрашающими фотографиями с мест автодорожных происшествий.

– Это точно сделали наши молодые коллеги. Больше никому! – говорил спустя некоторое время Роберт Михалычу, осторожно сметая с капота остатки битого стекла. – В училище занятий сегодня нет, всех молодых увезли куда-то на экскурсию, да и не будут здешние ученики колотить наши машины. Многие из них приходят к нам учиться, многие просто так подходят, интересуются. Среди этих детей врагов у нас нет. А вот то, что наши конкуренты могли решить нас предупредить таким образом, вполне вероятно!

– Не пойманы – не воры! Доказать ничего нельзя! – гудел в ответ старший мастер, в то время как руки его легко работали. – Сторож клянется и божится, что ничего не видел! В помещении, кроме меня и тебя да еще этой твоей ученицы, никого не было... Как мы можем с уверенностью говорить, что это сделали они?

– Тоже мне фантастика! – отозвался на его слова Роберт. – Кто-то свалился прямо с небес, хрястнул пару-тройку раз по машине и смылся бесследно! Наверное, летающие тарелки виноваты!

– Все в мире имеет свое начало, – усмехнулся Михалыч. Он тщательно осмотрел машину. – Ладно еще, что надо только заменить стекло и выправить крышу. Остальное цело. Могло быть и хуже.

– Расценивай это как сто второе китайское предупреждение.

– Ясно одно. – Михалыч вытер руки ветошью и посмотрел на Роберта. – С сегодняшним происшествием должны разобраться мы сами, но надо это сделать так, чтобы не вышло хуже. Наши молодцы держатся, будто за ними есть какая-то сила. А нас они считают беспомощными стариками...

– Разберемся, – еле слышно пробурчал Роберт. – Нам надо выработать план действий.

– Эй, дружок, ты что-то задумал?

– Есть у меня одна мысль. Когда в первый раз после происшествия, еще без тебя, я пробежал по этажам училища, в туалете первого этажа, в углу, я видел что-то похожее на большую палку, – Роберт задумался, – или, вернее, на металлический ломик. А когда мы зашли туда уже с тобой и я хотел на него посмотреть поближе, этого предмета там не было. Я не мог ошибиться, значит, кроме нас троих, в училище еще кто-то был.

– Знаешь что, – Михалыч вытер руки, приобнял Роберта за плечо, – не надо лезть на рожон. Сейчас ремонт выйдет сравнительно небольшой, но если они покалечат и остальные автомобили, нам придется ремонтировать их черт знает сколько. И все за свои деньги. Не проще сейчас сделать вид, что ничего не случилось? Секретарь директора мне сказала, что она набрала еще одну группу учеников, и со следующей недели они тоже придут заниматься. Отдадим ее этим парням, и все. Пусть ездят, а от нас отстанут. Ситуация сейчас не та, чтобы устраивать разборки. Мне детей надо кормить, и тебе тоже деньги не помешают. А из-за этих разборок у нас уже сегодня слетело с расписания четыре занятия. Ты меня понял? – Михалыч ласково заглянул Роберту в глаза.

– Сопляки будут диктовать нам свои условия? – посмотрел на него Роберт.

– Ты еще молодой, горячий! Я в твоём возрасте тоже частенько лез в драку, – задумчиво, не торопясь продолжал говорить Михалыч. – Доживешь до моих лет, поймешь. Здесь не Афганистан, чтобы сразу из гранатометов по всем целям пулять, хотя там-то мы навоевались до рвоты. Перемирие лучше нападения! К тому же ты прав, они – сопляки. Хорошо бы, конечно, их как-то поставить на место, но не буду же я, взрослый мужик, офицер, кулаком дубасить им морды! И машины их не буду ломать! Надо попробовать еще раз поговорить с ними так, чтобы до них дошло. Но все-таки надо учесть: у нас нет доказательств, что это сделали они.

Роберт молчал.

– Что же, так и будем терпеть? Я не согласен, – наконец сказал он.

– Фактов нет, – настойчиво повторил Михалыч.

Роберт завел свою «девятку» и посигналил сторожу, чтобы тот открыл ворота.

– Съезжу я к церкви, в автомагазин, за новым стеклом, – тихо сказал он.

– Давай! А я пока буду заниматься крышей! – Михалыч улыбнулся ему в ответ, но во взгляде, которым он проводил машину Роберта, ясно читалась тревога.

На стенде ГАИ помещались фотографии разбитых машин под заголовком: «Пострадавших за месяц восемнадцать человек».

«Черт знает что творится!» – рассердилась Нина на стенд, на школу и даже почему-то на саму себя и стала думать, что делать ей дальше. Она огляделась по сторонам. Чахлые астры блеклых тонов были будто натканы по отдельности в придорожную клумбу. У входа в здание школы по-прежнему не было ни души. Она же стояла и не знала, куда ей податься, ибо занятий

в училище у нее в этот день не было, а домой идти ужасно не хотелось. Кирилл активно не одобрял ее увлечения, и это приводило ее в отчаяние. Стоило ей устроиться на кухне поучить домашнее задание, как ему тут же что-нибудь требовалось. Вот и накануне она так увлеклась, что не расслышала сразу, о чем он ее спросил. Как назло она не могла в тот же момент вспомнить, куда положила предмет, который он искал. Когда же муж увидел, чем именно она занята, он пришел в настоящую ярость и стал расшвыривать вещи из шкафов прямо на пол, пытаясь самостоятельно найти то, в чем у него была необходимость.

– Пожалуйста, пожалуйста, не отвлекайтесь, я не смею занимать ваше внимание! – неудачно острил он.

В конце концов ей пришлось встать, подключиться к поискам и найти все-таки то, что было нужно, на самом видном месте на полке стенового шкафа в коридоре. Но настроение у нее уже было безнадежно испорчено, желание изучать правила дорожного движения пропало, а беспорядок в квартире, произошедший вследствие его стараний, теперь напоминал срочные сборы в эвакуацию во время войны. Муж с демонстративным видом заперся на остаток вечера в ванной, а ей пришлось все убирать, потому что она терпеть не могла беспорядка, просто физически не могла находиться в доме, если все в нем не сияло чистотой. После того же, как гармония ценой ее полуторачасовых усилий была восстановлена, муж с кипой газет появился из ванной комнаты и улегся в постель. А среди ночи, когда ей уже страшно хотелось спать и в то же время она не могла уснуть от волнения перед занятием, он как назло вдруг проснулся, привалился к ней и стал настойчиво подминать ее под себя. И, несмотря на все ее отговорки, был так нуден и так упорен в своем желании, что ей ничего не оставалось, как подчиниться и молча терпеть и ждать, когда же он, наконец насытившись, оставит ее в покое. Все это Нина вспомнила, стоя у стенда. Стрелки часов перекатились к двенадцати. От всех треволнений ей захотелось есть. В кафе она никогда не заходила, поэтому ей ничего не оставалось делать, как вернуться домой. Она приняла решение снова идти через парк, теперь уже не торопясь.

Солнце светило Роберту прямо в лоб, пока он ехал от школы до магазина. Теперь, в сентябре, оно будто взяло реванш за противно холодный и дождливый август. Солнцезащитные очки совершенно не спасали от его слепящих лучей, ярким потоком вырывающихся из-за козырька.

«Ишь светит, будто летом!» – вяло думал Роберт, не торопясь следуя в общем потоке машин. В душе его была противная пустота. С какой-то равнодушной усталостью он думал, что мир на поверку оказался совсем не таким, в каком бы ему хотелось жить. И даже воспоминания о том, как мечтали они с Михалычем вернуться с войны на Родину живыми и невредимыми и уж пожить тогда как следует всласть, на полную катушку, не думая о деньгах, не замечая плохой погоды и уж тем более не пребывая никогда в паршивом настроении, не принесли теперь обычного тепла его душе.

«Как-то все получилось глупо!» – думал он о себе, о Михалыче и о Ленце. Роберт прекрасно знал, что и у Ленца остервенелый труд на фазенде и восторженные разговоры о собранном урожае пару раз в году заканчиваются жуткими периодами запоев, из которых доблестного романтика могла вывести только бригада токсикологов.

«И ведь какая-то сволочь все-таки изувечила нашу машину! А мы оставляем все так, как есть... – перешел он мыслями на сегодняшний день. – Михалыч не прав в том, что называет этих придурков мальчишками, пацанами. Никакие они не пацаны и даже не просто шпана, а молодые волки, наверняка связанные, так или иначе, знакомством или родством с какой-нибудь местной бандой. Но Михалыч прав в том, что связываться с ними не стоит. Только он считает, что не надо связываться с ними потому, что не пристало ему, офицеру, уважавшему своих солдат, пачкаться о молодых придурков, а я думаю, что Михалычу не следует разбираться с ними хотя бы потому, что у него есть школьница-дочь. Эти молодые твари хуже вол-

ков. Раньше мир крутился все-таки по каким-то законам, а сейчас кругом – полный беспредел. И если не зазорно теперь убить ребенка за пятьдесят рублей, за велосипед или плеер, то изнасиловать девчонку из-за передела сфер влияния считается разумным методом воздействия».

По сути, Михалыча, а не Ленца было бы правильнее отнести к последним романтикам. Это он со своим медвежьим умом придерживается общечеловеческих ценностей. А Ленц просто выдумал себе свой собственный мир и делает вид, что он верный подражатель императора Диоклетиана, на старости лет вздумавшего сажать капусту.

К счастью, ехать до магазина было совсем недалеко. Надо было только оставить за собой бульвар, пересечь проспект и подъехать к парку у церкви, чтобы там развернуться на пригорке и подкатить к сияющим витринам. Магазин занимал первый этаж у ближайшего к церкви жилого дома. Роберт вышел из машины, потянулся и огляделся по сторонам. Несмотря на его печальные размышления, мир вокруг был прекрасен. Возле церкви на разукрашенных машинах собралась брачная процессия. Из динамиков луна-парка, что располагался напротив церкви, доносился романтический голос Хулио Иглесиаса. Ларек возле касс аттракционов благоухал жареными курами и сосисками; сбежавшие из школы ученики собрались в кружок, курили и скидывались на пиво и «русские горки».

«Жизнь продолжается...» – подумал Роберт и пошел в магазин. Стекло он купил за двадцать минут. Завернул его в старое покрывало, всегда на всякий случай хранившееся у него в багажнике, и, увязав веревкой, осторожно поместил на заднее сиденье. Пора было ехать назад, но атмосфера праздника, царившая вокруг благодаря солнечным лучам, голубому небу, желтеющим листьям, взрывам шампанского над головой жениха и фатой невесты, визгу девчонок, доносившемуся от аттракционов, так и манила Роберта задержаться в этом месте подольше. Он решил купить сосисок в тесте, попросил упаковать их в плотный пакет и еще завернул в газету, чтобы не остыли. Булочка же, выданная ему симпатичной молоденькой продавщицей прямо в руки, была настолько румяна и аппетитна, что Роберт, несмотря на то что прекрасно помнил о Михалыче, в одиночестве колдующем над покореженной крышей, не мог удержаться, чтобы не откусить от нее приличный кусок. «Михалычу я еще и пива привезу!» – подумал он, дабы искупить этот свой маленький грех – трапезу в одиночку.

На улице было так хорошо, что ему не хотелось садиться в машину. Он относился к тем владельцам автомобилей, которые считают своим долгом содержать колесное чудо в холе и роскоши. Причем сами хозяева могут запросто ходить в стоптанных башмаках или порванной где-нибудь под мышкой футболке, но машина у них является предметом особенной гордости и престижа. И неважно, на чем ездит такой хозяин – на «Таврии» или «Мерседесе», все равно никелированные части автомобиля у него всегда блестят, обивка сидений чистится пылесосом не реже одного раза в неделю, с приборной доски бархатной тряпочкой аккуратно стирается пыль, стекла моются специальной жидкостью, в бардачке вовсе нет никакого бардака – и там царит полный порядок. Обычно там находятся маленькая записная книжка, какая-нибудь особенная ручка, чтобы делать записи в той самой записной книжечке мелким, но отчетливым почерком, и не валяются как попало обрывки газет с номерами телефонов. Тут же лежат одна распечатанная и одна девственно целая пачки сигарет, возможно, крошечный карманный фонарик, а на выступе рядом с рулем обязательно прикреплена какая-нибудь хорошенькая игрушка – собачка, кивающая головой, зайчик с бантиком или котик... У личностей, претендующих на неординарность, это может быть крокодил, или бегемот, или какая другая экзотическая тварь.

У Роберта здесь была прикреплена крошечная фигурка эскимосской девочки с круглой деревянной головкой, с раскосыми глазами, стреловидными бровками, в шубке пирамидкой из коричневого меха и белой шапочке горшочком, надвинутой на лоб. Носик у девочки был обо-

значен точкой, а маленький красный рот треугольничком крепко сжат. Две крошечные ручки, казалось, были раскрыты в объятии.

– Почему здесь стоит эта эскимоска? – часто спрашивали Роберта разные женщины, в том числе и его ученицы, которых он куда-нибудь зачем-нибудь подвозил.

– Она символ женщины – доступна и молчалива, – отшучивался он.

– Наверное, это подарок вашей возлюбленной? – любопытствовали ученицы помоложе.

Роберт довольно хмыкал при упоминании о возлюбленной и скромно отмалчивался. Он ласково сдувал пыль с крошечной меховой шапочки и не любил, когда его куколку кто-то брал в руки.

Автодром перестал реветь и выплюнул из своей загородки откатавшуюся партию посетителей, в основном младшего школьного и старшего детсадовского возрастов. Новые любители покататься, размахивая входными билетами, готовились ринуться внутрь. Роберт рассеянно скользнул взглядом по нескольким обеспокоенным бабушкам и парочке мамаш, засунул в рот последний кусок булки и полез в карман за носовым платком, чтобы вытереть руки. Вдруг его внимание привлекла уже виденная где-то раньше бледно-голубая ветровка. Он всмотрелся внимательнее. Осторожной походкой, с выражением отчаяния на лице, будто она шла не прокатиться себе в удовольствие на детском аттракционе, а шагала по минному полю, к одной из машинок приближалась его ученица Нина Воронина. Роберт встал у ограды в тени деревьев, там, где он был менее заметен.

Он не ошибся. Его студентка Воронина, та самая, которая совсем недавно с апломбом заявляла, что она не владелица публичного дома и поэтому не желает, чтобы ее называли «мадам», теперь пыталась влезть в детскую машинку и никак не могла втиснуть туда колени. Это задерживало начало катания всей группы. И двое уже сидевших в своей машинке недалеко от нее школьников, наблюдая за этим процессом, дико, во весь голос хохотали.

«Фу, как глупо! Зачем она туда полезла?» – подумал Роберт. Нина все никак не могла уместиться в машинке, у нее были для этого слишком длинные ноги. Служитель аттракциона, одной рукой державший мороженое в стаканчике, а другой уже собирающийся нажать на пусковую кнопку, потеряв терпение, тоже недовольно закричал:

– Ну женщина же! Скорее садитесь!

Испугавшись, что ее высадят, Нина кое-как все-таки втиснулась в машинку. Теперь она с ужасом вцепилась в руль и стала заглядывать вниз, пытаясь найти педаль, на которую следует нажимать, чтобы ехать. Между тем электрический ток, приводящий в движение машинки, был уже дан, и школьники («Вот негодяи!» – заметил Роберт, наблюдавший все от начала до конца) нарочно, гогоча во все горло, тут же наехали на нее. Нина от неожиданности сильно ударилась об руль и чуть не вывалилась. От удара ее развернуло, и машина уперлась в бордюр.

«Ну, теперь ей самой ни за что не выехать!» – одновременно подумали служитель и Роберт. Но Нина все-таки сообразила, что надо нажать на педаль и выкрутить руль, но руль уже перед этим был кем-то закручен, и Нина стала бессмысленно крутить его то туда, то сюда. Бабушки и парочка мамаш, пытаясь ей помочь, что-то кричали от загородки, но Нина сидела в машине, вся красная, растрепанная, буквально онемевшая от стыда и страха, и ничего не понимала.

«Подойти помочь ей, что ли? – подумал лениво служитель, но за целое лето ему ужасно надоели и сам аттракцион, и такие вот неумехи, воображающие себя крутыми водителями, к тому же из стаканчика у него стало капать мороженое. – Сама пусть выкручивается как знает! – зло подумал он. – Нечего лезть, если не умеешь!» Он даже не привстал со своего места, чтобы помочь ей. Роберт сразу угадал его мысли.

«Ах ты, свинья! Деньги загребать – так ты хочешь, а помочь человеку – так тут тебя нет! И ведь деньги ей не отдашь!» – подумал он.

Нина уже смирилась со своим поражением и просто сидела в машине, не поднимая головы и ничего не предпринимая. Она просто ждала, когда закончится время катания. Противные школьники развлечения ради наезжали на ее машину то с одной, то с другой стороны, и даже осмелевшие дошколята, проезжая мимо, хихикали и норовили задеть ее или рукой, или краем резинового бампера. От этих ударов машина ее периодически вздрагивала, а сама Нина все больше и больше съеживалась, а голова ее, опущенная вниз, по-старушечьи подпрыгивала.

Роберт не выдержал и перелез через бордюр. Как раз в этот момент мимо него пронеслись хулиганистые школьники, изготавливаясь нанести Нине новый удар. Изловчившись на ходу, он сумел отвесить ближайшему из них хороший подзатыльник. Тот с изумлением глянул вверх и толкнул товарища в бок. Товарищ молниеносно все понял и моментально изменил направление движения, чтобы оказаться от Роберта подальше.

– Куда? Куда? – заорал Роберту служитель, до этого занятый только мороженым.

– Сиди уж тут, мышей не ловишь! – огрызнулся, не обращая на него особого внимания, Роберт и по специальному помосту быстро пошел к Нине. – Вставайте! Вставайте же!

Он потряс ее за плечо и протянул руку. Сквозь рев и грохот других машин его слова были плохо слышны. Она даже не подняла голову, чтобы посмотреть на него. Роберт поразился, насколько она была скрючена, просто комок мышц и нервов! Он понял, что она не слышала его и ничего не соображала.

– Ну?! – Он с силой потянул ее из машины. Теперь она, по-видимому, что-то почувствовала и подняла голову. – Вылезай!

Он потащил ее вверх, ей удалось встать, но то, что дальше нужно было высунуть ногу из машины и переступить на бордюр, до нее не доходило.

– Нина! Очнись! – заорал ей Роберт прямо в лицо.

Служитель тоже наконец сообразил, что что-то не в порядке, взглянул на часы и выключил электричество. Голос Роберта набатом разнесся по внезапно замолкшему автодрому.

– Еще время не вышло! – возмущенно стали кричать школьники.

– Ну-ка, кыш отсюда, хулиганы! – Служитель вдруг стал изображать из себя борца за порядок. И школьники, быстро сообразив, что лучше не возникать, решили потихоньку исчезнуть.

Роберту ничего не оставалось делать, как взять Нинину ногу за щиколотку, поднять и поставить ее на дощатый бордюр. Служитель, подошедший к ним, заглянул в Нинины бессмысленно остановившиеся глаза и охнул.

– Вот крепко ее разобрало! «Скорую» надо вызывать.

– Давай, давай! Потихонечку! – Роберт понял, что самое простое будет подхватить Нину на руки и достать из машины, как неодушевленный быющийся предмет. Он присел почти на корточки и обхватил ее за бедра, потом осторожно выпрямился, поднял и перенес на деревянные доски. Она как стояла неподвижно в машине, так и продолжала стоять на помосте, только он еще прислонил ее к перилам.

Новая толпа желающих покататься недовольно стала гомонить у входа, и служитель, убедившись, что Нина под присмотром Роберта стоит на помосте своими ногами, ушел запускать в машинки новых страждущих. А Нина сейчас напомнила Роберту деревце, вынутое из земли для пересадки. Такие деревья однажды на субботнике они сажали всем классом. Один ученик бережно держал деревце за ствол, а другой аккуратно опускал его в приготовленную ямку и засыпал землей. Сейчас вместо деревца он поддерживал за спину Нину и не знал, что делать с ней дальше, как найти для нее подходящую почву.

Вдруг она внезапно обмякла. В глазах появилось осмысленное выражение. Сухие губы еле заметно шевельнулись, она судорожно сглотнула, и до Роберта вдруг донесся слабый выдох:

– Где это я?

Она пошевелила плечом, повела шеей, встряхнулась, освободилась и посмотрела на Роберта так, будто видела его впервые. Потом с глаз ее будто спала пелена, и они поразили Роберта затаенным выражением печали и страха, какое часто бывает в неволе у диких животных.

– Что со мной было?

– Ничего особенного. – Он отошел на два шага и демонстративно сунул руки в карманы. – Очевидно, вы хотели покататься на автодроме. А я случайно оказался поблизости.

Она посмотрела на него внимательно, пытаясь разобраться, стоит ему доверять или не стоит. Сейчас он стоял перед ней вовсе не такой монотонный и скучный, каким бывал на занятиях, а спокойный, уверенный, с немного шелушащимся от ветра загорелым лицом. Во взгляде его тоже была некоторая настороженность, и от этого она почувствовала какую-то странную с ним близость, будто во время случайной встречи один зверь принял другого и допустил в свою среду обитания. И вот она вспомнила все, что сейчас с ней случилось. И то, как ее толкали мальчишки, и то, как она не могла справиться с управлением и отъехать от злополучного бордюра. Кроме последней части происшедшего, а именно – как она оказалась вне игрушечной машины. Она не вспомнила, но догадалась, что этот человек, по-видимому, спас ее.

– Спасибо, что вытащили меня.

– Не за что, – небрежно пожав плечами, отозвался он и, все еще с сомнением глядя на нее, сказал: – Вообще-то мне нужно ехать. Вы доберетесь до дома сами?

– Да, доберусь. – Ей ни при каких обстоятельствах не хотелось, чтобы он провожал ее, словно больную. А вид у нее как раз и был такой – настороженный, болезненный. И в то же время в ней чувствовалась твердость.

«Еще не хватало, чтобы я ушел, а она снова полезла играть в машинки!» – подумал Роберт. Он решил задавить ее своим авторитетом преподавателя.

– Быстро иди домой, и чтобы больше я тебя здесь, на автодроме, не видел! Увижу – выгоню из группы! – решительно и строго сказал он. – Починим машину – и будешь ездить как человек! Я вот уже новое стекло купил! Вечером чтобы была на занятии по теории! – Быстро повернувшись, спокойной походкой он пошел от нее к своей машине.

«Ни за что не пойду больше в школу!» – сказала себе Нина, сошла по ступенькам на землю и свернула в сторону парка.

6

Она не могла дать себе отчет в том, почему через сорок минут она оказалась вовсе не у огороженного со всех сторон фигурной решеткой своего фешенебельного дома, а в старом, хрущевском, заросшем тополями дворе ее детства. Теперь в этом доме на пятом этаже пустовала квартира ее родителей, полная знакомых с детства запахов и старых вещей. Муж говорил, что надо пустить в нее квартирантов, но она не сделала бы это ни за какие деньги. Каким-то непостижимым образом она чувствовала себя здесь в убежище под защитой некоего духа, обитавшего в этих стенах еще с той поры, когда она была маленькой. Если бы в этой квартире хоть на два дня поселились незнакомые люди, это странное чувство могло бы исчезнуть. «Плевать на деньги! – думала она. – Пусть все останется так же, как раньше!»

В небольшой спальне стоял ее письменный стол, в большой комнате оставался темный польский гарнитур, за которым родители стояли ночами в очереди в мебельном магазине. Нина тогда училась классе в пятом, и у всех ее подруг в квартирах стояли обычные столы, стулья и гардеробы. Выкупленный по открытке гарнитур «жилая комната» казался ей верхом совершенства всей мебельной промышленности. И сейчас еще за стеклянными дверцами шкафов пылились хрустальные кубки, вазочки разных фасонов и размеров, которые с такой любовью когда-то покупала ее мама. На одной из полок скромно стояли сложенные грудой черные керамические чашечки для кофе – покупка самой Нины с первой повышенной стипендии. На полу лежал красный ковер восточного орнамента – такие ковры лежали или висели тогда во всех московских домах. Их покупали вовсе не в ковровых магазинах, а распространяли передовикам производства через профсоюзы. При переезде на новую квартиру она хотела забрать ковер с собой и постелить его в спальне, но муж категорически не разрешил ей вынести из квартиры ни одной вещи.

– Не потерплю, чтобы в моем новом доме хоть что-нибудь напоминало это совковое убожество, – сказал он, а она не решилась напомнить ему, что здесь они прожили вместе с родителями несколько первых лет после свадьбы, и это были вовсе не худшие годы в их жизни.

Ключ легко повернулся в замке, Нина вошла. В коридор пробивался сноп солнечного света из-за наполовину прикрытой двери в комнату, в нем кружились пылинки, потревоженные возникшим сквозняком. Нина сделала два шага и оказалась в этом луче. В комнате было все так же, все по-прежнему стояло на своих местах, только подоконники, лишённые привычных растений из-за того, что некому было их поливать, выглядели голо и неуютно.

«Надо принести несколько цветов в горшках, – подумала Нина. – Раз в три дня буду приходить сюда». И эта простая мысль подняла в ее душе неожиданную, но огромную волну смятения. Ей показалось, что это не вполне осознанное желание только шаг к чему-то гораздо более существенному, непонятному и страшному, что ждет ее впереди.

Она немного посидела на диване, прошла в кухню, проверила, есть ли в кранах вода. И тут зазвенел звонок, обычный телефонный звонок старого чешского аппарата, стоявшего на тумбочке в прихожей. Нина вздрогнула, почему-то испугавшись, но тут же прогнала подальше глупый страх. «Это может быть только Пульсатилла, – подумала она. – Муж всегда звонит на мобильный». И правда, в телефонной трубке зазвенел, как всегда бодрый, голос подруги.

– Видела, как ты вошла! – начала она. Квартира Пульсатиллы располагалась на первом этаже, а окно кухни находилось как раз рядом с дверью в подъезд. Никто и ничто не могло укрыться от Пульсатиллиных глаз, если она была дома. Где, как не у кухонной плиты, проводит время среднестатистическая женщина, имеющая детей и привыкшая жить своим трудом? Как раз там, откуда Пульсатилле было все видно.

– Не хочешь по старой памяти постоять со мной в очереди за помидорами? – сказала она, как будто с Ниной они виделись только вчера. – На углу продают прямо с машины. Дешевые, как раз на засолку.

Пульсатилла прекрасно знала, что цена для Нины сейчас не имеет значения, но ей хотелось поболтать со старой подругой, и поэтому она задумала склонить ее к кулинарному подвигу. Редкая женщина, увидев, что кто-то готовится что-либо консервировать, не втянется в этот процесс, иногда даже вопреки здравому смыслу. Или уж как минимум возьмет рецепт какой-нибудь дребедени, возиться с которой придется не менее трех часов, а есть все равно будет невозможно. И Нина легко поддавалась на эту провокацию.

– Сейчас иду, – сказала она. – Вот только найду какую-нибудь старую сумку.

Пульсатилла чмокнула ее в трубку от радости, и подруги условились встретиться на улице через пять минут.

В очереди за помидорами Нину будто прорвало. Она изо всех сил принялась ругать себя. Обзывала себя и глупой, и неумелой, и дурехой, взявшейся не за свое дело, пока наконец не сообразила, глядя в округлившиеся глаза Пульсатиллы, что та ведь ничего не знает о ее решении учиться в автошколе. И тогда она начала с самого начала. С поездки с мужем в Ярославль.

Солнце уже стало мягко клониться к закату, а они с Пульсатиллой, давно купив помидоры, все стояли прямо на улице около овощного фургона, прислонив к колесу огромные сумки, набитые красными твердыми плодами, и разговаривали. У Пульсатиллы светился на голове золотой шар из волос – солнце оказалось у нее сзади, а лицо Нины соответственно освещалось спереди. И не было ничего милее мягких черт этого лица, неясной, чуть грустной улыбки, рыжеватого отлива волос. И было удивительно, что из проносящихся мимо машин никто не высовывался, сворачивая шеи, глядя на этих женщин, и не чирикали гимн во славу их красоте городские воробы.

– Слушай, а что это такое на тебе надето? – вдруг спросила Нину подруга, обратив наконец внимание на то, как странно та выглядит. – Нечего, что ли, надеть от бедности? Или в демократию играешь, мол, я такая же, как все! Так демократия в этом вопросе у нас давно закончилась! – Пульсатилла по характеру и по старой памяти не боялась говорить правду. А для Нины теперь не было слов ближе и роднее. Сама Пульсатилла была одета в вещи недорогие, но модненькие – с рынка, но будто с иголочки. Вот и сейчас, несмотря на то, что отправилась она не в гости, а в очередь за помидорами, не забыла подруга накрутить на шею кокетливый голубой платочек, который чертовски подходил к ее глазам.

– Вовсе тут ни при чем демократия, – стала оправдываться Нина. – Просто я подумала, что в широких штанах учиться будет удобнее!

– Решила учиться – значит, учись! – сказала ей Пульсатилла. – Не хуже же ты сотен и тысяч остальных, что запросто водят машины? Подумаешь, муж сказал, что ты не способна! А он пусть попробует борщ сварить так, чтобы его можно было съесть и не отравиться! А то все они привыкли жрать на халявку да еще и пакости говорить!

У Пульсатиллы в этот день настроение было плохое. Кто-то с горя идет в ресторан, кто-то в театр, ну а Пульсатилле ничего не оставалось делать, как устроить этот поход за помидорами с развлекательной целью. Иначе жизнь могла бы свести с ума! Проблема оказалась в том, что ее новый знакомый, с которым у нее начал наклеиваться красивый роман, поспешно слинял после того, как она обмолвилась, что у нее на руках две дочери. Поэтому сейчас Пульсатилла была настроена воинственно.

– Да если бы у меня была какая-нибудь хоть завалящая машина, я бы и раздумывать не стала. Тут же окончила бы курсы и поехала кататься! Просто так, без цели, куда глаза глядят! А ты все ходишь, ноешь, раздумываешь, вместо того чтобы дело делать! – Пульсатилла смотрела затуманенными глазами куда-то вдаль. – А вот на одну зарплату с двумя девчонками не хочешь пожить?

– Как я тебя люблю! – Нина засмеялась, обняла Пульсатиллу. – Не отчаивайся! Будет и на твоей улице праздник!

Тут она посмотрела на часы и пришла в ужас. Дома еще конь не валялся, а Кирилл мог приехать в любой момент.

– Я убегаю! – быстро сказала она.

Пульсатилла посмотрела ей вслед и вздохнула. Ей хотелось рассказать Нине про очередного «козла», который был у нее накануне в гостях, слопал полкастрюли борща и смылся. «Хорошо хоть я его в спальню раньше времени не пустила!» – сказала Пульсатилла сама себе, подхватила тяжелую сумку и, как пчела в конце светового дня, потащила добычу домой.

– Вы к кому? – остановил Нину охранник, когда она пыталась пройти в ворота собственного дома.

«И этот не узнал», – подумала она и вынула из кармана пропуск.

– Проходите! – Охранник удивленно смотрел Нине вслед.

Через решетчатые ворота въезжали-выезжали дорогие машины, и Нине стало не по себе. «Что-то действительно я оделась как дурочка! – подумала она. – Но ведь кому какое дело, как я одета?! И меня все равно здесь никто не знает! Может, я чья-нибудь домработница!» Кое в чем она была права. Жители этого огромного высотного дома действительно не знали друг друга. Все были заняты сугубо своими делами, своей жизнью. Но кое в чем Нина и ошибалась. Домработницы, например, приходили убирать квартиры в цивильных костюмчиках, а вот хозяйки, как правило, выходили со двора, чтобы пробежаться по специальным дорожкам, проложенным для этой цели вокруг дома, в просторных спортивных штанах и новеньких кроссовках. Нина решила больше нигде в своих разношенных штанах не появляться и сразу же, как придет, выкинуть их в мусоропровод.

Сумка с томатами больно оттягивала ей руку. Она грохнула ее на прекрасный плиточный пол в прихожей.

«Ну вот, теперь полопаются! И зачем я вообще связалась с этими помидорами? Вот стадное чувство!» – обругала Нина себя и, с молниеносной быстротой скинув обувь, устремилась к холодильнику.

– Р-раз! – упакованное в специальный пакет мясо переместилось из морозильной камеры в микроволновку.

– Два! – луковая кожура полетела в мусорное ведро, а сама луковица легла на разделочную доску замечательными по ровности кружками.

– Три! – кусок твердого сыра, пропущенный через терку быстрыми ручками Нины, превратился в груду аппетитной мелкой стружки.

Трудно было сказать, что движет ею сильнее – желание сделать приятное мужу или страх, что он опять будет недоволен. Нина задала плите программу, уложила мясо ровными кусками в специальную форму, накидала по краям несколько мелких, аккуратно почищенных картофеля, забросала все луком, полила майонезом, посыпала сыром и, погрузив в плиту, нажала на кнопку. Таймер возвестил, что время пошло.

– У-уф!

У нее было еще несколько минут, чтобы выпить чашечку чая, а уж после этого заняться помидорами, но надо было торопиться. О том, чтобы поесть самой, не было и речи. Кирилл любил, чтобы к его приходу никаких остатков приготовления пищи, никаких картофельных очистков, никаких полуфабрикатов не было и в помине. Стол должен был быть уже красиво накрыт, и еда должна была дожидаться наготове.

«Подумать только, как быстро человек привыкает к хорошему, – уже беззлобно, совершенно забыв накануне проведенный вечер, думала о нем Нина. – Я помню время, когда мой

муж совершенно не считал для себя зазорным почистить картошку для супа, пока я мыла полы, – вспоминала она. – Но как же быстро прошло это время!»

Горячий чай она, обжигаясь, проглотила на ходу. Надо было еще успеть перемыть помидоры и по крайней мере сложить их в тазик. Под ее руками гора пыльных оранжевых томатов быстро уменьшалась, в то время как с такой же скоростью возвышалось над краями яркого тазика количество подготовленных к обработке плодов.

«В конце концов, в домашних заготовках тоже есть своя прелесть, – думала Нина. – Откроешь зимой такую ароматную баночку – и вспомнишь, как в теплый осенний день корпела над ними». И потом, не было еще человека среди ее знакомых, который не отдавал бы должное Нининым маринованным помидорам. Она знала рецепт, благодаря которому ни у какой другой хозяйки помидоры не были так вкусны. Механическая работа давала простор мыслям, но поскольку ничего более существенного, чем ее занятия в автошколе, сейчас в жизни Нины не происходило, думы ее естественным образом перекинулись на сегодняшний день. Неизвестно почему она ничего не рассказала Пульсатилле ни о происшествии на автодроме, ни о своем преподавателе. Может быть, потому, что твердо решила поставить на своих занятиях крест. Но, оставшись наедине с собой, она не могла не вспомнить тот ступор, в который впала впервые в жизни. Никогда раньше ничего подобного с ней не происходило.

«Я даже не смогла освоить игрушечную машинку! – думала она. – Я живу как тепличное растение! О чем я думала вчера? О том, что приготовить на ужин. А позавчера? Что купить на завтрак и обед. А позавчера? О том, что пора сделать генеральную уборку в квартире. И вот я жалуясь, что ни на что не способна. При такой жизни это естественно. Я просто полезла не в свои сани. Логично смириться с тем положением вещей, какое есть. Разве смогла бы я выжить одна, как, например, Пульсатилла? А она ведь еще и двух девчонок тянет! – Нина рассердилась на себя. – Надо не рыпаться, а знать свое место в жизни, и в этом залог счастья!» Но как ни отгоняла она от себя воспоминания, которые привели ее к путешествию на автодром, они прокручивались у нее в голове снова и снова. Вот она утром бежит через парк, вот входит в ворота школы, вот видит собаку рядом с машиной, вот входит в здание, поворачивает на лестницу... «Стоп, а это кто?» Отчетливо в глубине сознания мелькнула фигура в темной одежде с длинным предметом в руке...

Но позвольте, она заметила этого человека, а звон стекла раздался буквально через несколько мгновений. Как же так?! Значит, машину с очень большой долей вероятности мог разбить тот, кто вышел во двор с черного хода? Но получается, что это не посторонний в школе человек! Вероятно, это и имели в виду Роберт с Михалычем, когда побежали искать злоумышленника не за воротами школы, а внутри здания! Насколько она поняла, никого они не нашли. Значит, кроме нее, никто не видел этого человека. Нет, этого нельзя оставлять! Она должна пойти и рассказать то, что видела. Роберт, при всей его нелюбезности к ней, вытащил ее из машины, когда она застыла в этом проклятом ступоре на автодроме. Она тоже должна помочь. Кто знает, что может сделать этот неизвестный злодей завтра? Может, испортит тормоза?

Нина взглянула на часы. До начала занятия оставалось двадцать минут и ровно столько же до прихода мужа. Она еще раз проверила таймер духовки – он выключит плиту сам, когда будет нужно. Конечно, Кирилл опять будет недоволен, что ее нет дома. Он ведь все время говорит, что жена для того и нужна работающему мужчине, чтобы налаживать семейный быт, и Нина в принципе с ним соглашалась. О ком ей было еще заботиться, кроме него? Он составлял даже не просто большую часть ее жизни, а все девяносто девять процентов. Она считала себя его второй сущностью. Но сейчас она не могла оставаться у раковины, чтобы как ни в чем не бывало заниматься помидорами. В конце концов, мясо из духовки Кирилл сможет достать и сам, а через час, ну максимум через час двадцать, она вернется. Она не останется на занятие, просто расскажет преподавателю о том, что видела, и уйдет! Вернется домой, заварит чай, сядет с Кириллом рядом, попросит его рассказать о дневных делах. Нина как-то забыла, что

о дневных делах Кирилл давным-давно ей рассказывать перестал, а за ужином просто читал газету, уткнувшись в тарелку, или смотрел телевизор. Но ей почему-то казалось, что, даже когда он молчит, какой-то тонкий поток информации, пусть даже и неосознанный, все равно по неким тайным каналам осуществляется между ними.

Она не задержится!

Нина влезла в черные брюки, черную водолазку и кожаный пиджак, сразу стала такой же, как все другие ученики; схватила сумку, в которой лежали деньги, и устремилась к выходу. Да, еще надо было оставить Кириллу сообщение, чтобы он понял, что ему следует открыть духовку. Но Нина не захотела ему звонить.

«Сейчас он, наверное, в машине, не надо ему мешать во время движения», – подумала она. В спешке начертив несколько слов карандашиком для бровей на салфетке, она выскочила на улицу. Частника ей удалось поймать очень быстро.

И вот она уже ехала по новому проспекту мимо выстроенных в ряд прекрасных домов-башен, в одном из которых она как раз и жила. Отключившись от всего, чтобы передохнуть хоть десять минут, она стала смотреть в окно. Вдруг машина, на которой она ехала, взвизгнула тормозами, а потом как-то странно вильнула в сторону. Водитель выругался.

– Что это было? – спросила Нина, которая ничего не поняла.

– Вон поехали! – Водитель ткнул пальцем куда-то в неопределенную даль. – На «Мерседесе». Хотели под меня подставиться, да я вовремя тормознул. Козлы! Все время тут маячат, ловят зевак. Рассказывали мне про них. Подставляются под машины, а потом требуют бабки за ремонт. Не слышали про такое?

– А что же ГАИ? – спросила Нина, но по тому, как водитель махнул рукой, она поняла, что задала глупый вопрос. «Да, наверное, хорошо, что я не буду учиться! – вздохнув, подумала она. – Действительно, так вот подставишься, или тебя подставят, а Кириллу придется платить...»

Они свернули с нового проспекта на старую магистраль, проехали мимо бульвара с памятником поэту, и через минуту Нина была уже в школе.

Почему-то ей представлялось, что школа и сейчас будет выглядеть такой же молчаливой и пустынной, какой она была утром, но это оказалось совсем не так. Когда тяжелая входная дверь снова захлопнулась за ней, Нину встретили облака голубого дыма, тянувшиеся из-под лестницы, и громкий гогот молодых людей, перемещавшихся с первого этажа на второй по направлению к учебной комнате. По всему этому Нина могла заключить, что занятие в их группе до сих пор еще не началось. Она бросила взгляд на часы. Опоздание составляло десять минут. «Ну и тем лучше, – подумала она. – Не придется преподавателя вызывать. Сейчас сразу найду его и расскажу то, что видела».

Быстрым шагом она направилась к классу, заглянула внутрь. Ученики уже расселись по своим местам. Преподавателя все не было.

«Да где же он?» Нина решила опять отправиться в учительскую. И в тот момент, когда она сделала шаг к двери, та открылась, и навстречу Нине с уже привычным ей растрепанным журналом в руках вошел Роберт.

– Наконец-то явилась! – сказал он ей вместо приветствия и, быстро развернув, легонько подтолкнул к учебному столу. – Вовремя надо приходить! Из-за тебя занятие пришлось задержать!

– Я не на занятие... – растерянно забормотала Нина. – Мне надо сказать что-то очень важное!

– Марш на место!

Ожидаящие ученики с удивлением поглядели на них, и Нина почувствовала, что препираться сейчас неудобно. Ничего не оставалось делать, как сесть на свое место и ждать.

И занятие началось.

Роберт вел его в своей обычной занудливо-скучной манере, но Нина вдруг обнаружила, что сам предмет нынешнего занятия неожиданно захватил ее. Ей стало интересно слушать, отвечать на вопросы, и она опомнилась только тогда, когда Роберт объявил перерыв. И кроме того, ее поразило, что он не начинал занятия, потому что ждал ее. «Не может этого быть, – решила она. – Как глупо так думать, а вместе с тем – приятно!»

Она снова посмотрела на часы. Кирилл должен был уже приехать домой и прочитать ее записку.

Нина вышла в коридор. Роберт курил у окна, окруженный учениками. Ей надо было немного подождать, чтобы толпа рассосалась. Не подойдешь же к нему, не возьмешь за руку, не уведешь при всех в сторонку! Но вот момент ей показался удобным. Пятиминутный перерыв заканчивался, Роберт потушил сигарету в консервной банке, и парни, окружавшие его, потянулись в учебную комнату. Она сделала шаг ему навстречу. И тут у нее громко, настойчиво зазвонил телефон.

По ее мобильному мог звонить только Кирилл, она не могла не ответить.

– Не бросила еще свои глупости? – Его голос в волнах радиосвязи звучал, пожалуй, даже шутливо.

– Ты дома? – шепотом спросила она.

– Да. Приехать за тобой?

– Если можешь! – Она обрадовалась такому вниманию с его стороны.

Роберт был уже в дверях комнаты. Она выключила телефон и хотела наконец остановить преподавателя, но заметила, что буквально все, кто еще задержался в эту минуту в коридоре – и парни, и девушки, и Роберт, да и она сама, обратились в сторону лестницы. И увидели, что оттуда по направлению к ним движется прекрасное видение, фея фата-моргана, невиданная принцесса, королева красоты. Модельной походкой, небрежно придерживая очаровательными пальчиками полы светлого пальто, кутая шейку в чем-то необыкновенно пушистом – что, кажется, называется боа, – сделанном то ли из лебяжьего пуха, то ли из чьих-то перьев, глядя на мир наивно распахнутыми, аккуратно накрашенными глазами, эта фея приближалась к двери в их учебный класс.

Все вокруг замерло.

– Мне сказали, что надо подняться сюда! – проворковало небесное создание, забавно оттопыривая губки и немного проглатывая слова. – Я опоздала на первые занятия, но директор школы сказал, что я легко догоню! – Необыкновенное существо, по-детски приоткрыв ротик, посмотрело на Роберта, угадав преподавателя в нем.

– Прошу в учебную комнату, мадам! – поперхнувшись и заклекотав, будто тетерев, со значением произнес Роберт и, слегка согнувшись в полупоклоне, показал в сторону двери.

– Спасибо! – проворковала девушка, видимо, привыкшая к такой реакции на ее персону, и спокойно вошла в комнату. Роберт, вдруг заторопившись, чуть не побежал к своему месту. Нина и остальные ученики втянулись за ними. Девушка окинула взглядом их класс с пыльным двигателем посередине и разочарованно скривила мордочку. Преподаватель, казалось, испугался, что она сейчас развернется и уйдет. А Нина вдруг подумала с не присущим ей по природе злорадством: «Здесь не театр, здесь учиться надо!»

Девушка подошла к соседнему с Ниной месту:

– Не занято?

Вот уж с кем бы рядом Нина не хотела сидеть! Она и забыла, что пришла на занятие в последний раз.

– Не занято, не занято! – ответил за Нину преподаватель.

Девушка, приветливо улыбнувшись, уселась с таким видом, будто она везде у себя дома, и Нина заметила, что она и не подумала достать ручку и тетрадь. Роберт, теперь в явно в при-

поднятом настроении, даже слегка зардевшись, взялся за указку, и Нине ничего не оставалось делать, как снова опуститься на свой стул.

«Ну ладно! – с досадой подумала она. – Пока Кирилл приедет, как раз вторая половина занятия и закончится. Тогда уж я покончу со всем этим раз и навсегда и поеду домой!»

Вторая половина занятия прошла почти незаметно. Роберт развивал тему куда более активно, чем раньше. Нина слушала его и думала, что вот она уже кое в чем может разобраться – она запоминала и усваивала материал очень хорошо. Краем глаза она иногда взглядывала и на соседку. Девушка к занятию интереса совершенно не проявляла, только с легкой улыбкой кивала преподавателю да осматривалась по сторонам.

– На сегодня все, – объявил Роберт и закрыл журнал.

Нина взяла сумку и хотела уже подойти к нему и выполнить наконец свою миссию, ту самую, зачем она, собственно, и приехала, как вдруг увидела, что преподаватель сам направляется к их столу. Отчего-то у нее сжалось сердце. Ее соседка смотрела на преподавателя свысока, горделиво подняв головку и сложив губки бантиком. И хотя девушка сидела неподвижно, Нине показалось, что она нарочно подманивает преподавателя своим изящным и одновременно вызывающим видом.

«Вот это и есть сногшибательная блондинка!» – вздохнула Нина. Она не могла не оценить белокурые волосы соседки, завитые так аккуратно, что ни один волосок просто так, без цели, не выбивался из классических волн прически, и ровный, естественный загар, который достигается не на халяву, какой-нибудь дешевой крем-пудрой, а приобретается при регулярном посещении дорогих курортов не наших широт. Не могла Нина не заметить и той равнодушной улыбочки и воспитанности, которая отличает детей из «хороших семей», не знающих с младенчества ни тревог, ни забот и свободно пользующихся теми благами, которые можно приобрести за деньги. В иные моменты Нина только радовалась благополучной жизни других людей, но сейчас смотреть на эту девушку ей стало неприятно.

– Мне нужно записать в журнал ваше имя! – низко склонился к соседке Роберт.

– Лиза, – не смущаясь, улыбнулась девушка и томным шепотком стала диктовать Роберту сведения о себе.

Нина прикрыла глаза и будто посмотрела на себя со стороны, глазами постороннего человека. Оценила свои весьма обыкновенные черные брюки, такой же пиджак, возможно, растрепавшуюся прическу, руки, которые выглядели как и подобает выглядеть рукам, пробывшим целый день на улице без крема, без перчаток, перемывшим грудку овощей, приготовившим ужин и вот сейчас наконец застывшим в бездействии.

Роберт, как показалось Нине, плотоядно улыбаясь, тем временем расспрашивал Лизу, училась ли она когда-нибудь водить автомобиль. Та отвечала кокетливо, он начал шутить... Положение Нины становилось неудобным. Она видела, что Роберт напрочь забыл о ее существовании, и она не знала, как ей выполнить свой долг. Как ни досадно ей было, но все-таки казалось неловким перебивать его во время в общем-то недалекого флирта. Она вздохнула. Роберта, казалось, пришлили к Лизе невидимыми ниточками. «Но не ехать же мне сюда специально еще раз!»

Парочка не обращала на нее никакого внимания. Нина представила, как Лиза будет сидеть рядом с Робертом в желтом автомобиле. Ей стало противно.

«Какое, впрочем, мне дело до того, кого он будет учить, с кем будет ездить?» – рассердилась она, с шумом отодвинула свой стул и пошла из класса. Другие ученики тем временем уже разошлись, коридор опустел. И только на привычном уже для Нины месте, возле окна, небрежно развалясь и опираясь о подоконник, стояли двое мужчин. Одного из них она узнала сразу – это был Михалыч. Второго, помоложе, она мельком видела после первого занятия.

«Я могу рассказать и Михалычу!» – решила она и направилась к окну. Двое друзей подошли и посмотрели на нее с интересом.

– Можно вас на минутку? – Она подошла к Михалычу сбоку и тихонько потянула его за рукав. – Давайте отойдем!

– У нас секретов нет! – добродушно пробасил тот и показал пальцем на своего спутника. – Он вас не обидит!

– Володя! – представился второй и забавно щелкнул каблуками.

– Я думаю, что видела того человека, который утром мог разбить учебную машину! – выпалила Нина. Ей в принципе стало уже все равно, найдут или не найдут в конце концов злоумышленника. Решение бросить школу подкрепилось и неприятным впечатлением, которое произвел на нее Роберт, так активно начав ухаживать на ее глазах за молодой и красивой девушкой. Нина не ревновала, с чего было бы ей ревновать? Просто ей стало досадно, что она уже не так молода и даже в юности не была так эффектна, как эта девушка; и что у нее никогда не было такого сногшибательного пальто и даже если бы оно у нее и было, все равно Нине не пришло бы в голову явиться на занятие в пыльный учебный класс, кутаясь в светлые опереточные меха. Но от природы Нина обладала чувством ответственности и долга, пониманием, что существует в мире некая высшая справедливость, во имя которой человек и должен совершать поступки. И движимая этим чувством, она не могла покинуть сейчас школу, никому ничего не сказав, хотя собственное упорство начинало казаться ей глупым.

Михалыч очень серьезно посмотрел на нее:

– Вы кого-то видели? Пожалуйста, вспомните все!

Его спутник Володя тоже с большим интересом выслушал короткий Нинин рассказ. Собственно, весь рассказ состоял из трех предложений – о том, как она поднималась по лестнице, как увидела чью-то фигуру с предметом, похожим на палку, в руках, и о том, как услышала звук бьющегося стекла, только не придала этому в тот момент значения.

Володя, когда она кончила говорить, заключил:

– Ну вот, другого варианта и быть не могло! Конечно, это сделали свои! – И какая-то затаенная мысль мелькнула в его глубоко посаженных глазах. Михалыч протянул Нине свою огромную лапу и, пожимая ее тонкую руку с замерзшими пальцами, даже немного потряс ее:

– Спасибо вам, Пат!

Нина не расслышала точно, как он произнес ее имя, и из вежливости представилась:

– Нина.

– Да мы знаем, как вас зовут! – засмеялся Володя. – Только между собой называем вас Пат.

– Почему? – Нина ничего не понимала. Это слово вызвало у нее ассоциацию с шахматной игрой. Пат – безысходная ситуация. «Неужели даже посторонним людям заметно, что это про меня?» – ужаснулась она.

– Ваш преподаватель, Нина, большой любитель играть в игру под названием «Три товарища». Знаете такой роман Ремарка?

Книжку Нина читала в далеком детстве. Роман этот, если честно, не захватил ее воображение. Нина, правда, знала, что шестидесятники сходили по этому роману с ума. Ей же история трех товарищей вспоминалась смутно. Девушка, погибшая в конце концов от туберкулеза, казалась ей нереальной применительно к нашей действительности, а больше она ничего и не запомнила. Она решила помолчать.

– Все условно, конечно, – стал пояснять ей Володя. – Люди не всегда же зовут друг друга по фамилии...

«Значит, Роберт рассказал им про «мадам»?» – мелькнуло у Нины.

– ...вас между собой мы прозвали Патриция, Пат. Не обижайтесь, – закончил Володя.

– Зачем? – опять не поняла Нина.

– Да просто так, чтобы пошутить! Без юмора на свете жить скучно, не правда ли?

– Правда.

Нина не знала, как ей относиться к его словам. Какой-то странный разговор у них получался.

Сзади раздалось цоканье каблучков. Нина обернулась. Лиза, поправляя перья, покидала учебную комнату. Следом за ней, словно боясь отпустить ее взглядом, теряя листки из журнала и спотыкаясь, вышел Роберт.

– Так, значит, послезавтра! Занятие ровно в одиннадцать! Машина будет готова! – почти кричал он ей вслед, но Лиза не слушала его больше. Она повернула на лестницу, и тут внимание ее было привлечено представительным, прекрасно одетым мужчиной, двигавшимся от лестницы ей навстречу. Его взгляд был устремлен вовсе не на нее, а куда-то в даль коридора.

Лиза задела его плечом и привычно сложила бантиком губки.

– Извините!

Кирилл, а это, без сомнения, был он, сразу же посторонился, давая Лизе дорогу, и инстинктивно, с опытом мужчины, постоянно пребывающего в среде красивых женщин, зафиксировал ее полуулыбку-полуприглашение, кокетливо опущенные глазки, аромат духов.

Потом, уже дома, Нина поняла, вспоминая эту встречу, что белокурая прическа Лизы, и яркий рисунок помады, и форма нарисованного рта, и изгиб искусно выщипанных бровей – все это было очень умелой стилизацией под внешность Мэрилин Монро, Кирилл же все это зафиксировал машинально, глазами отыскивая в коридоре жену, стоящую у окна с какими-то мужиками. Решительной, но вместе с тем и солидной походкой он подошел к ней и взял ее под руку. Нина обернулась и обрадовалась. Вот и Кирилл! Она почувствовала себя под защитой.

– Как хорошо, что ты приехал! – сказала она, с любовью глядя в его глаза, и коротко попрощалась с Михалычем и Володей.

Когда Нина и Кирилл скрылись на лестнице, к друзьям подошел Роберт.

– О чем беседовали? – спросил он.

– Да вот Пат рассказала, что она видела утром, как кто-то вышел во двор через внутреннюю дверь.

– Пат не она, а вот эта! – Роберт показал, как он кутает шею в меха.

– Запомни, мой юный друг! – ласково сказал ему Ленц. – Чтобы не попасть впросак, надо не только уметь смотреть на женщин, но и слышать, что они говорят.

– Ну и что же она такого сказала? – небрежно кивнул Роберт в сторону исчезнувшей Нины.

– В предположительной форме, заметь, предположительной, а не в базарно-утвердительной, каковой привержены большинство представителей рода человеческого, как женского пола, так, между прочим, и мужского, она донесла до нашего сведения, что видела того, кто мог разбить учебную машину. Из чего мы с Михалычем сделали два вывода: первый – что все-таки пора разобраться с нашими юными друзьями, а второй – что эта довольно скромная женщина, несомненно, Пат.

– Если вы непременно хотите выбрать в нашу компанию Пат, то имейте в виду, что, по всей видимости, Нина Илларионовна замужем!

Произнося теперь это имя, Роберт совершенно не чувствовал никакого волнения. Если бы он вспомнил, как два дня назад рылся в журнале, чтобы посмотреть, как зовут курсантку Воронину, он бы, пожалуй, очень удивился. Теперь его мысли были поглощены Лизой.

– Уж если выбирать кого-то, то только ее! – Перед его глазами все еще мелькали стройные ножки в модных сапожках из змеиной кожи, глазки, и ручки, и светлые, воздушные перья у шейки.

– Мы вовсе не призываем тебя разрушать здоровую семью, – сказал Михалыч.

– Мы просто учим тебя разбираться в женщинах! – смешно выпятил губы Ленц.

– Да идите вы! – отмахнулся Роберт и спросил Михалыча про машину: – Как думаешь, сумеем мы починить до послезавтра автомобиль?

– Ты уже наметил срок, – засмеялся Михалыч, – значит, должны успеть.

– Тогда пойдемте сейчас в гараж, где стоит моя хорошо известная всем сумка. Она наполнена, как всегда. Надо все-таки по-настоящему обсудить положение в школе! – предложил Роберт, и друзья монолитной группой отправились по лестнице вниз.

Блестящая «БМВ» Кирилла проплывала по уже притихшему вечернему бульвару. Нина расслабилась на удобном сиденье и пребывала в состоянии счастья, как никогда. Ей бы хотелось, чтобы они ехали так с Кириллом как можно дольше. Кирилл думал о чем-то своем.

– Через несколько дней прилетает Шарль Готье, – наконец сказал он Нине значительным тоном. – Мы должны пригласить его домой.

– Кто такой Шарль Готье? – осторожно вернулась она в действительность.

– Я тебе уже сто раз говорил! Это мой новый французский босс. – Кирилл недовольно поморщился. – Старого ушли, потому что руководству фирмы не нравилась его политика в области возможностей расширения торговли во всех странах СНГ. Им казалось, что он расширяет бизнес низкими темпами. Теперь Шарль Готье возьмет все дела в свои руки.

Нина могла бы поклясться, что Кирилл в первый раз произнес это имя, но решила не спорить.

– Я сделаю все, что нужно, можешь не беспокоиться, – ласково сказала она.

Кириллу не понравился ее легкий тон.

– Хотелось бы, чтобы ты отнеслась к этому серьезно. Я еще ни разу не видел этого Готье, но прекрасно понимаю, что от того, как я ему понравлюсь, будет зависеть моя дальнейшая карьера.

– Для начала своди его в хороший ресторан, – предложила Нина.

– Неужели я не знаю? – раздражился Кирилл. – Рестораны у нас будут каждый день, пока он здесь. Но настоящий контакт, я думаю, можно завести с ним только во время посиделок в домашней обстановке.

– Да я не возражаю, сделаю все, как ты скажешь! – миролюбиво пообещала Нина и решилась спросить: – Ну а сейчас ты успел поужинать?

– Где уж там успеть, если жена вечно занята, – тоном избалованного ребенка проворчал Кирилл, но когда они вернулись домой, Нина с облегчением увидела, что блюдо с мясом было все-таки вынуто из духовки и опустошено более чем наполовину.

«Ну, слава богу, – подумала она. – А то с такими волнениями недолго и гастрит заработать...» Три раза сплюнув через плечо и отнеся мужу в гостиную поднос с чайным прибором, она решила закончить возню с помидорами. В голове у нее уже гудело, но все равно она со всем обычным присущим ей старанием продолжала закатывать помидоры. В двух банках они по неизвестной причине полопались. Их оранжевая кожица, как пергаментный свиток, закрутилась на круглых бочках. Нина чертыхнулась. «Ну уж как будет. Полопаются остальные – выброшу в помойку!» Она укутала готовые банки специально сохраняемым для этой цели старым одеялом и с полузакрытыми от усталости глазами вяло сполоснула лицо и отправилась спать. Кирилл уже давно храпел, разметавшись на широкой постели в их спальне.

Почувствовав, что она осторожно легла рядом с ним, он призывно погладил ее бедро. Она возражать не стала. И хотя удовольствия все равно не получила, зато с умилением подумала, что нужна ему, что приносит пользу, что знает его привычки и что жизнь ее проходит не зря.

«Но почему вдруг Пат? – неожиданно вспомнилось ей, когда она уже засыпала. – Надо будет посмотреть завтра книжку», – решила она, и эта окончательная перед сном мысль не была ей неприятна.

Наутро она должна была идти на работу. Выйдя из дому на полчаса раньше, прямо перед занятиями она зашла в библиотеку своего училища.

– Есть у нас «Три товарища»? – поздоровавшись, спросила она у пожилой библиотекарши.

– Кажется, есть. Давно, правда, никто не брал, – ответила та, углубилась вдоль заставленных книгами полок в сумерки книжного хранилища и вскоре вернулась. В руках у нее был довольно потрепанный том. От него пахло пылью и сотнями чужих рук. Нине не захотелось к нему прикасаться.

– Извините, я передумала, – сказала она и, чтобы не выглядеть странной, для отвода глаз попросила еще принести какой-то совсем ненужный ей учебник математики. Все время занятий ее снедало какое-то странное беспокойство, и, еле дождавшись, когда студенты разойдутся на перерыв, она быстро заперла класс и успела сбегать в ближайший книжный магазин, благо располагался он неподалеку. Ремарк стоял на полках в полном комплекте. Продавщица пробила ей чек, Нина открыла страницу наугад и прочитала первые попавшиеся на глаза строчки: «...когда мы возвращались домой, небо уже прояснилось. Оно было яблочно-зеленым и очень прозрачным. Улицы и магазины были освещены...»

Нина подняла голову и посмотрела на небо. Обычной окраски, еще не самой плохой для, как правило, противной московской погоды, серо-голубой свод неба привычно возвышался над ней. И несмотря на то что ничего, казалось, не было романтического ни в нем, ни в окружающем Нину пейзаже, составленном из серых коробок-домов, она почувствовала, что в ее в груди разливается нечто щемящее, сентиментальное. И она крепко прижала книжку к себе с доселе неведомым, но, как оказалось, необыкновенно приятным чувством причастности хотя бы к литературе.

7

Уборщица автошколы тетя Надя с утра была занята тем сногшибательным действием, которое она называла генеральной уборкой. Сногшибательным оно называлось в прямом смысле, потому что всех, кто попадался во время мытья полов на ее пути – и преподавателей, и учащихся, и старшего мастера Михалыча, и уж, конечно, Ленца, которого она терпеть не могла за его прическу, – тетя Надя сшибала с ног своей шваброй на добротной деревянной ручке. Делала она это не нарочно: просто такие размашистые у нее были движения. Но все равно в школе знали, в такие дни к ней было лучше не подходить. Извергаясь водопадом непочтительных и даже бранных слов, она давала понять абсолютно всем, что она, тетя Надя, – самый нужный и важный человек во всей школе, пожалуй, лишь за исключением директора. А в то утро маленькая, сухонькая пенсионерка тетя Надя вообще была подобна Зевсу-громовержцу. Поводом для метания молний явилось то, что кто-то залез в ее шкаф, где она хранила ведра, старые веники и другой разный хлам, который ей было жалко выбрасывать, и разломал ее любимую швабру. Поэтому она ходила взад-вперед по коридору и с возмущением потрясала остатками этой швабры, а именно отломанной щеткой. Деревянная ручка швабры куда-то бесследно пропала. Кому она могла понадобиться, оставалось загадкой, но загадка эта нисколько не умалила тети Надиного гнева. Немного успокоилась она только тогда, когда Михалыч и Роберт, которым надоело слушать ее вопли и причитания, скинулись и дали ей денег на приобретение нового механического чуда – самоотжимающейся механической полойки. Тетя Надя сейчас же сбегала в хозяйственный магазин и полойку приобрела, но не переставала, правда, уже тише, причитать о потере любимого предмета. По ее словам, никакое современное чудо инженерной мысли не в состоянии было заменить ее любимую швабру. Роберт и Михалыч скрылись от нее подальше в гараже. Ветровое стекло они уже вставили, крышу выпрямили, салон почистили, в общем, машина была готова к эксплуатации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.